

The image shows the Eiffel Tower in Paris, France, silhouetted against a dramatic sunset sky with golden clouds. The city skyline is visible in the background, with various skyscrapers and buildings. The bottom half of the cover is a solid orange color.

16+

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ  
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН 3

Александр Кириллов

**Время перемен 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

**Кириллов А. Л.**

Время перемен 3 / А. Л. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-94761-0

Виктор Калинин служит в армейском спецназе, выполняя приказы командования как на территории России, так и за ее пределами. Всякое могло случиться в этих командировках. Вот и приключилось с главным героем незабываемое летнее путешествие по Африке.

ISBN 978-5-532-94761-0

© Кириллов А. Л., 2021  
© ЛитРес: Самиздат, 2021

## Содержание

Глава 1. Поход в Тора-Бору	5
Глава 2. Солдатские будни	17
Глава 3. Большой караван	22
Глава 4. Цепные псы	31
Глава 5. Снова ученик	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Александр Кириллов

## Время перемен 3

### Глава 1. Поход в Тора-Бору

Незаметно прошли весна, за ней лето, на улицу пришла осень. Я бродил по рынку Кабула, высматривая какие-нибудь сувениры, периодически мимо меня также в поисках чего-то нужного прогуливались советские граждане, работающие в Кабуле, например, те же строители. Жили они в своем городке как сами, так и с семьями. Возле меня остановилась пара советских школьников, которые что-то бурно обсуждали. Прислушавшись, оказалось, что они рассказывали друг другу о том, что писали сочинение на тему «Как я провел лето».

Я усмехнулся про себя, вспомнив свои школьные годы. Если бы я знал, чем в будущем для меня закончится одно лето, за ним осень, весна и новое лето, то даже не знаю, подписался бы я под это дело или нашел бы какой-нибудь очень важный предлог, чтобы избежать этой командировки. Впереди у меня были легкие и сложные годы, какие-то летние месяцы прошли обыденно, в чередке рабочих дней, а другие были курортными и веселыми. Но это время, принесшее большие изменения в мою жизнь, я запомнил навсегда.

Снова летели рабочие будни, одни дни сменялись другими, сочная зеленая листва желтела, краснела и опадала. Заканчивалась осень и «на носу» был декабрь 1988 года. В Афганистане я нахожусь практически два года, а вместе со мной и четверка моих боевых товарищей еще со срочной службы: Док, Шмель, Мастак и Топтыгин. Появились и новые друзья, они же мои подчиненные, те же Хохол и Бугай.

На задания уходили по очереди – по графику чередовались роты батальона, а в них взводы, а еще и само количество заданий сократилось, поэтому за сезон наше отделение совершило не более десятка выходов в горы на поиски караванов или проведения точечных диверсий. Большею частью мы сидели на базе, шлифуя свою стрелковую и силовую подготовку. В денежном плане все мы были на приличной для военного зарплате, периодически удавалось собрать бакшиш с уничтоженных моджахедов. Однако такого притока денег с убитых, а большей частью, от сданного «налево» тому же Саиду бытового имущества из перехваченных караванов или машин торговцев с контрабандным товаром, у которых мы находили оружие или наркотики, сейчас не было.

Командир нашей бригады был вызван в штаб 40-й армии, где было проведено совещание. По поступившей через нашего афганского товарища Азиза Аббаса оперативной информации перед штабом ставилась задача разработать, а перед нами провести следующую боевую операцию.

Через несколько часов такое же совещание было проведено в бригаде с ее штабом и комбатами, а затем комбат Анатолий Тарасов давал вводные нашей роте.

– Парни, горная дорога преодолевает Пейварский перевал, высота которого достигает в пике 2596 м. Проход расположен примерно в 20 км на запад от пакистанского городка Парачинара, окруженного сетью центров боевой подготовки душманов. Считается, что проход зимой в течение нескольких месяцев не проходим из-за снегопадов и обледенения, хотя для караванов непроходим, а для солдат – «надо поглядеть». Недалеко от перевала, только уже в Афганистане, располагался укрепрайон Тора-Бора или «чёрная пещера» – стратегический опорный пункт и перевалочная база афганских моджахедов, входящих в состав «восточной объединённой группировки» в зоне ответственности крупного полевого командира Юнуса Халеса, одного из лидеров «Пешаварской семерки». Из проверенных источников в Пакистане, нам поступила

информация о сборе в данном укрепленном комплексе афганских полевых командиров. Ваша задача уничтожить их.

Что нам еще довели об этой базе в карстовых пещерах хребта Сафедхох.

«В 1980 году при проведении операции «Шквал» этот комплекс был взят подразделением спецназа КГБ СССР «Каскад» совместно с частями 66-й отдельной мотострелковой бригады 40-й армии ОКСВА. Однако, за последующие годы по количеству штурмов и уничтожений она превзошла печально знаменитое Панджерское ущелье, где наши провели девять крупномасштабных боевых операций и не смогли уничтожить сопротивление полевого командира Ахмада шах Масуда «Счастливчика». Так что, товарищи спецназовцы, проведение общевойсковой операции нецелесообразно, они просто разбегутся, а нанесение точечного укола силами нашего спецназа оправдано», – завершил свою речь Тарасов.

На вертолетах взвод спецназа забросили в горы к горному перевалу Пейвар-Коталу, соединяющему Пакистан и Афганистан. Впереди нас ожидал путь примерно в 30 километров по прямой, а по горам, то поболее, , чтобы выйти на исходную и провести операцию в этой Тора-Боре.

– Кент, как думаешь, откуда лучше заходить?

– Думаю, что вновь подготовленные отряды боевиков пойдут из Пакистана через Пейварский перевал, а дальше пешком по ущельям к комплексу, то есть с юго-запада.

– А нам как лучше?

– По-хорошему, можно топать так же, но есть вероятность наткнуться на группы боевиков. А это бой, значит, будут слышны выстрелы, демаскируем себя, так что целесообразнее заходить с севера. Кстати, там никто из нас не был, поэтому комплекс еще найти в этих горах надо, хоть и по карте пойдём. Точнее сказать, сам комплекс мы увидим, его верхушка на горе построена, а вот вокруг него скрытые наблюдательные пункты обязательно будут. Еще большой минус, с севера больше наблюдателей сидит и сигнальных растяжек понатыкано, особенно вблизи комплекса.

– Значит, зайдем с южной.

– Так точно, предлагаю подойти с севера, но, сделав марш-бросок на лишней пяток километров, зайти с юга.

Взвод шел по плато, затем вдоль горного хребта на высоте примерно 2500 метров. В горах быстро темнело, на землю надвигались туманные сумерки и вскоре станет совсем опасно идти. Мы прошли по широкой тропе, которая резко сужалась, извиваясь вдоль горного среза, являясь таким карнизом: слева – стена горы, справа – вертикальный обрыв метров, да, пожалуй, с километр будет, если не больше. Но многие парни были молодые, рискованные, а если еще наличествовала альпинистская подготовка, то вообще не парились, так что шли достаточно спокойно. А мне было страшновато, как-то сразу все сжалось внутри, ноги перестали бодро идти вперед – очень захотелось жить. Староват я уже лазить по всем этим обрывам – случайный камень соскользнет под ногой, потеря равновесия и свободный полет на дно ущелья.

– Не смотреть вниз, лучше смотрите только вперед на тропу и стенку, ищите за что хвататься будете.

Прошли этот участок длиной метров в 300, снова вышли на плато, быстро смеркалось, тут же похолодало, потому что налетел северный ветер, который изначально экранировала гора. Народ, усталый и вспотевший, стал располагаться на ночлег, раскатывая спальники. ТНТ командовал: «Выставить посты! Всем утеплиться и закутаться!»

«Тащ лейтенант, не будет сейчас никого, поморозим ребят в секретах, надо сбиться в кучу и греться, чтобы не померзнуть», – обратился я с несколькими ветеранами к лейтенанту.

– Точно лишнее будет?

– Лишнее.

– Посты отставить, все прячемся в расщелины и каверны.

Мы находили, где прилечь, чтобы не так обдувало ветром, накрываясь плащ-палатками, перекусили тушенкой с кашей, разогретой на разожженном сухом спирте, и заваливались спать. Ночью началась метель, так что под утро нас завалило снегом. Утром я вылез из снежного сугроба, лицо из-за дыхания было все в ледяной корке: «О, снежок утеплит, а вот лицу досталось».

Я глотнул спирта из фляги, обжигающая жидкость потекла по пищеводу, согревая организм, и сразу стало легче. В разных местах снег вспучивался и оттуда вылезали замерзшие бойцы, так же глотающие согревающую жидкость, охлопывающие себя и приседающие, чтобы почувствовать ноги. Снова был быстрый перекус, после которого отряд двинулся вперед. Плохо было то, что на снегу оставались следы от толпы людей с рисунком протекторов подошв советской обуви.

Горы пошли вниз, и из обрывистых отрогов стали походить на сглаженные холмы, значит где-то мы на подходе. Снега почти не было, тут лишь лежала легкая пороша на земле – ветром сдуло, похоже. Мое отделение было выдвинуто в передовой дозор. Тропа шла чуть вверх, а справа можно было отлично срезать путь.

Передовой боец направился туда, а я заорал: «Стой!»

Бойцы остановились.

– Кент, ты чего?

– Тропа туда поворачивает, а мы бездумно премся по удобному нам срезу. Проверяем все под ногами.

Васильев сказал: «Парни, похоже, я растяжку зацепил, помогайте».

Мы окружили товарища, попутно осматривая окружающую землю. Точно, вот она лесочка и «сигналка», а не боевая граната – обезвредили.

Пройдя еще с километр, залегли, осматривая окрестности в бинокль.

«Вот она, Тора-Бора, и как к ней подобраться незамеченными?» – спросил, скорее для того, чтобы что-то сделать, Васильев.

Топтыгин распаковал тепловизор и включил его, вода по секторам.

– Тишина, все тихо и ровно, слишком далеко до объекта. Ждем ночи, и прогуляемся поближе.

– А чего сейчас не хочешь?

– Так светло, меня в бинокль можно заметить.

Вот сейчас мы уже выставили посты и, перекусив, залегли отдыхать.

– Группа идет.

Часовые засекли очередную подходящую к крепости группу боевиков. Затем по грунтовой дороге приехала колонна из четырех видавших виды пикапов. Одна из них была «Тойота», а три остальные были «Симургами».

Вечерело, на долину снова упал туман, в небе над нами набежали тучки, и завьюжила пороша, больно бьющая в лицо. Я – ищущий, с автоматом, металлодетектором, периодически тыкающий щупом перед собой, за мной Топтыга – наблюдающий, то есть с работающим тепловизором, знай, только аккумуляторы меняй на запасные, сзади Мастак и Шмель с ножами, пистолетами с глушителями и «СВД» – прикрывающие, для устранения «секретов», ползем вперед, чтобы отыскать свободные проходы к объекту. Вот ползешь и думаешь: «Ладно, растяжка, ее хоть увидеть можно, а если на противопехотную мину наползешь, то сразу покроешься со стороны живота кучей иголок-осколков. Нет, так нельзя, у нас все отлично будет, путь чистый и спокойный».

Так оно и было, вначале смотрели тепловизором вперед, вдруг, что-нибудь прибору не понравится, потом полз я или Шмель, осматривая визуально и металлоискателем ближайший путь на предмет растяжек или мин, попутно тыкая в мерзлый грунт щупом – земля мерзлая,

каменистая, хрен так запросто эту мину установишь, затем подбирались Топтыгин и Мастак, осматривая следующий участок пути в экранчик тепловизора и прицел ночного видения.

– Есть контакт, впереди в 150 метрах засветка двух объектов.

«Принял, уходим в сторону», – шепчу в ответ, и мы ползем в проход между этим сектором и сектором с замаскированным вторым «секретом» – он должен быть обязательно. Вот тут однозначно будут «сигналки», а то и боевые растяжки.

Режем попавшуюся леску у растяжки, забирая сигнальную ракету, где-то с боков должны быть еще такие же установлены, расставленные в шахматном, а может в ином, чисто «моджахедском» порядке. Ползем один за одним, лишь изредка меняясь друг с другом, при этом предварительно осматривая место обгона.

– Справа, примерно в 200 метрах, вижу пятно. Похоже, что второй «секрет», но надо подползти поближе и разобраться.

– Обползем их и проверим еще засады впереди, ближе к крепости. Может, это первая линия наблюдения, а за ней будет еще одна. Пока будем тут ползать и с первой возиться, попадемся на глаза наблюдателям со второй.

Ползем дальше – тишина. Возвращаемся к обнаруженному нами первому блиндажу с «секретом». Вот как его брать без шума? Срезаю ножом раскидистую ветку какого-то кустарника, растущего по пути, и ползу к секрету, таща ее за собой.

«Чего задумал, командир?» – показывает на нее глазами Топтыгин.

Я показываю быть готовыми, подползаю сбоку к наблюдательной щели и кладу на нее хоть и голую, но ветвистую палку.

Слышится ругань и попытки откинуть ветвь. Я держу ее сбоку, чтобы рука не была видна в амбразуру, не давая ее оттолкнуть. Снова слышится афганский мат и открывается замаскированная дверка, откуда появляется афганец. Выстрел из «Вула», затем второй и вот уже два труп в «секрете».

– Так ты на психологию часового рассчитывал?

– Точно, не выдержит его душа, когда посторонний предмет мешает или демаскирует его.

Вперед ползет еще пятерка бойцов с ТНТ во главе, а остальные, заняв позиции, обеспечивают прикрытие при нашем отступлении. Один спецназовец из туркмен, владеющим местным наречием, садится в «секрет» на рацию слушать переговоры и, если придется, то отозваться на запрос.

Десятка бойцов вполне хватит, чтобы нанести визит вежливости, а если не получится, то и тридцати будет мало. Здорово выручает тепловизор. Без него все было бы гораздо печальнее и сложнее. Мы подобрались к горе, в которой множество дырок. Какие-то из них глухие, а какие-то ведут в ее сердце. Наводя тепловизор, определяем наличие часовых – в этой дырке нет, осматриваем на предмет растяжек на входе – нет, значит, идем. Идем полусогнутыми, но проход потихоньку расширяется. Порядок следования: вначале осматриваем тепловизором на предмет засады, потом я и Шубов с фонариками визуально на предмет растяжек. Медленно идем, еле продвигаемся, но спешить нельзя. Все устали от ожидания взрыва, но больше от неизвестности. Несмотря на холод, пот течет градом, вся спина и лоб мокрые. Но идем долго, видно, что глубоко зашли, только куда дальше-то?

Проход стал шире и выше и, даже я шел, выпрямившись, надо же, как спина затекла идти в полусогнутом состоянии.

– Есть клиент, он один.

Шубов, одетый, как и мы все, в афганскую одежду, двинулся вперед. Через несколько минут он появился снова, таща оглушенного басурманина.

Постучав тому по щекам и, видя, что клиент очнулся, Шмель прислонил тому к шее нож, а я спросил на пушту: «Где командиры сидят?»

Афганец огляделся и начал что-то лопотать.

– Чего говорит?

– Ни хрена не понял, тарыхтит, как «калаш», да еще и заикается. Говори медленнее, останешься жив.

Тот успокоился и стал говорить, а я показал, что пусть рисует, направив фонарик на пол. Он нарисовал свою позицию и где находятся рядовые бойцы, где ближайший часовой, а где начальство.

«Все?» – спросил Шубов.

Я кивнул и тот сломал афганцу шею. Мы двинулись дальше по мрачным пещерным проходам Торы-Боры. «Убрали» еще часового, оставив там Бугая и двоих парней со слишком уж славянской внешностью, а сами пошли наверх, в построенную крепостную часть, где располагалось начальство. Тут уже были лестницы, цивильные переходы, и вот где нам очень помогла афганская одежда. Здорово мы здесь смотрелись бы в советском камуфляже.

– Куда идете?

– Ас-салам алейкум, правоверные, прибыли только что из Кабула с важными известиями о шурави, показаться начальству надо.

– Вaleyкум ас-салам, как там Кабул, что нужно нашим братьям?

– Оружие нужно и деньги.

– Хох, они всем нужны, вам туда, не спешите, командиры ужинают.

Так я и перекрикивался через зал с какими-то бородатыми дядьками. Хвала Аллаху, что Ахмед-шах и Саид ставили мне гератский, а не русский, акцент.

Мы поднимались по лестнице, а дух запоздало крикнул: «Оружие сдайте».

Шубов кивнул ТНТ, после чего остался в коридоре для прикрытия, а основная группа спецназовцев двинулась туда, где трапезничало моджахедское начальство. У входа в залу стояло два охранника, но два выстрела и два контрольных из «Вула» успокоили их.

Совещание, начавшееся днем, недавно закончилось, и можно было отдать должное еде. Смеркалось часов в шесть, сейчас было начало десятого вечера и уже завтра вновь подготовленные боевые отряды двинутся в Кабул и Джелалабад, где устроят шурави веселую жизнь. Халес восседал во главе стола, разглагольствуя о прелестях жизни и борьбе с неверными.

Открылась дверь и в комнату, склонив голову в благочинном приветствии, вошло пятеро афганских воинов.

«Рослые, крепкие, вот настоящие воины, эти не дрогнут против русских», – отметил про себя Халес, благодушно взирая на вошедших.

«Ас-салам алейкум – мир вам, уважаемые, мы из Кабула!» – раздался голос одного из вошедших, а потом полетела граната, упавшая на стол поверх кушаний и, взорвавшись, вмиг ослепила всех сидящих. Затем захлопали тихие выстрелы «Вулов» и «Беретты», и ужинающие стали валиться на стол или на пол, сраженные пулями. Топтыгин сфотографировал итоговый результат на фотоаппарат.

Ослепленный Халес сразу свалился под стол, что и спасло его от смерти. Произведя с полсотни выстрелов, бойцы так же вышли из комнаты, а Хохол быстро закинул в помещение из коридора два трупа часовых. Перед уходом я наклонился и махнул ножом возле головы одного из убитых, после чего все мы направились вниз. В пиршественном зале после нас осталось пара десятков убитых командиров отрядов моджахедов.

Помахав рукой на обратном пути любопытному афганцу, с которым пять минут назад мы разговаривали, мы наткнулись на появившийся из перехода десяток «духов». Я поприветствовал их, быстро прижав к сердцу пальцы правой руки, что является у мусульман знаком внимания и глубокого уважения, они ответили, а мы, не задерживаясь на разговоры, быстро уходили вниз.

Генерал Халес молча лежал под столом, не зная, ушли или нет шурави. Его зрение восстановилось, но он решил не рисковать – никуда эти наглецы не уйдут, и полежать еще минут десять.

«Все, теперь точно ушли», – решил афганец и, достав пистолет, выглянул из-под стола. Все его соратники лежали мертвыми или тяжелоранеными.

«Шайта-а-ан! – завыл афганец, оглядев комнату, затем подойдя к двери, где его взгляд упал на голову охранника без уха, которое валялась у него под ногой. – Шайта-а-а-ан, найду и убью!»

Он открыл дверь, держа пистолет в руке и, убедившись, что там никого нет, заорал: «Шурави в крепости, все на поиски, задержать, уничтожить! Кто их пропустил, дети осла и овцы, убью!»

Мы же уже вошли в естественную карстовую пещеру. Оставленная тройка бойцов уничтожила обходящий волчье логово патруль из троих афганцев, расстреляв их из бесшумных пистолетов и спрятав в тоннеле. А дальше мы бежали, подсвечивая себе фонарями, согнувшись в три погибели, натываясь в темноте на спину, а иногда и на задницу впереди бегущего бойца, больно стучаясь головой или плечами о сужающиеся стены и нещадно матерясь про себя.

Впереди потянуло холодом, значит, выход уже близко. Мы выскакивали из тоннеля на улицу и бежали, плюнув на маскировку, ведь скоро тут будет «глобальный кипиш». Пробежав с полтора километра, мы добежали до наших засадников, и все вместе «дернули» дальше в горы. А Тора-Бора засветилась огоньками выстрелов, вылетающих из стволов стальных пчел, несущих смерть каждому, кто окажется на их пути. Радовало одно, мы перебили главных командиров, то есть задание выполнили.

Зия проснулся от шума, раздающегося в коридоре и стука в дверь, и сразу схватил автомат.

– Что случилось?

Забегал его подчиненный: «Командир, шурави в крепости, убиты почти все полевые командиры, хвала Аллаху, генерал Халес остался жив!»

– Как в крепости?! Срочно собирай наших.

– Все собраны.

Зия побежал в комнату, где проходил ужин. Он очень устал за сегодня и ушел отдохнуть, да не дали, зато усталость спасла его жизнь. Комната представляла собой плачевное зрелище. Появился бородатый афганец.

– Господин Мохаммед, вас срочно вызывает господин Халес. Он в зале, где вы утром совещались.

Быстро войдя в курс дела, Зия организовал отряды преследования, которые возглавили его «черные аисты» и он сам.

– Ну что, ухорез Калина, скоро я найду тебя и посчитаюсь!

На нескольких пикапах и грузовике передовой отряд преследования был доброшен к месту у горы, где мы ушли в ущелье. Остальные духи размеренно бежали цепью – они вцепятся нам в спину и будут преследовать пока либо мы окончательно не оторвемся, либо они не уничтожат нас. А полсотни самых подготовленных «духов» были быстро подброшены к горам и начали преследование, вися у нас на «пятках». Мы ставили засады, отстреливались, нас пытались обойти и, обходили, и все это происходило в ночной темноте, освещаемой лишь тонким слоем белого снега.

«Главное, не подвернуть ногу, иначе не уйдешь, только засада и бой до смерти», – думал каждый из нас, отступая.

Афганцы лучше знали местные тропки, поэтому нас периодически обходили с флангов. Я давно расстрелял весь боезапас «Беретты» и «Калаша». Из огнестрельного оружия оставался «в строю» лишь «Вул».

Наш взвод рассеяли превосходящие силы противника, и я, оказавшись один, отступал к определенной на этапе планирования точке сбора номер один. Бежать было удобно, потому, что кругом были либо кустарники, либо лабиринт из набросанных каким-то доисторическим великаном больших камней. Уложив особо рьяного «духа» и оторвавшись от группы преследования, я трусцой перемещался от камня к нагромождению камней или одиночному булыжнику размером с гараж для автомобиля.

Практически уверившись в то, что мне удалось скрыться, я расслабился, и тут же нос к носу столкнулся с мужичком, одетым в черную униформу. Два выстрела из «Вула» в корпус и лицо врага навсегда вывели того из строя, но за ним показалась фигура второго «аиста». Раздавшийся щелчок дал мне понять, что патроны-то в моем пистолете закончились, однако. Тогда я толкнул тело убитого на идущего следом наемника, а сам метнулся в сторону, уходя с линии огня. Раздавшийся выстрел из пистолета пришелся «в небо». Второй «аист» выскочил из-за камня на площадку, перепрыгнув упавшее тело товарища, и навел пистолет на меня. Но в его лицо уже летел «чори». Надо же, в темноте среагировал на летящее лезвие ножа и, прикрывая свою «физию», «аист» выставил вперед руку с пистолетом. Ножик попал ему в кисть, отчего пистолет просто выпал из его правой руки. Вслед за ножом полетел и мой пистолет, стукнувший его по лицу, а следом второй «чори». Силен мужик. Получив по зубам пистолетом, он снова умудрился увидеть и уклониться от второго летящего ножа, выхватив свой «Кабар», а я выхватил свой.

На занятиях Шубов обучал нас комплексной боевой системе, используемой советскими силами специального назначения. Она, как и большинство действительно эффективных боевых систем, была рассчитана не только на ножевой бой, но и рукопашную схватку с применением всего того, что подвернется под руку. Хотя, объективности ради, нужно сказать, что этому мы тренировались еще в Великую отечественную со своим разведзводом. Просто здесь был спец – инструктор высокого уровня, да и сама система сильно развилась с 1941 года, стала более отточенной и продуманной.

«Основные принципы ножевого боя спецназа, – внушал он нам, – это дыхание, расслабление, положение тела и постоянное движение. Несколько приёмов нарабатываются до автоматизма, поэтому, как только противник оказывается на расстоянии удара – его атакуют.

Наиболее близкой по стилю нашей системе подготовки нашего спецназа является филиппинская «Кали Эскрима». Предупреждая ваши вопросы, скажу, что мне во Вьетнаме довелось пройти курс подготовки у армейского инструктора-вьетнамца, владеющего этой техникой боя, заодно, познакомился и с вьет-до – опасная боевая система.

В мире наиболее известны еще несколько систем именно ножевого боя: система подготовки морских котиков «МСМАР», итальянская «Paranza Corta» с использованием стилетов, «Пенчак Силат» – солянка из разнообразных стилей самозащиты крестьян, распространённых в Юго-Восточной Азии, и японская « Tanto-jitsu» – работа с ножом «танто».

Вот эти мысли промелькнули у меня в голове, когда я кружил напротив пакистанца. Мы сошлись, он чиркнул меня по руке на обратном движении, распанахав мне кожу на кисти, когда я попытался заблокировать его руку с ножом. Я не силен в ножевом бою, сюда бы Шмеля, тяготеющего к так называемой филиппинской технике боя, как рассказывал Шубов, характерной постоянным движением ног и нанесением ударов под разными углами. Тот мог бы на равных пободаться с «духом». Он был лучше, это почувствовали мы оба, и на его лице появилась ухмылка.

А я, перехватив нож обратным хватом, метнул «от бедра», засадив его в мышцы бедра противника – нож легко пробил штаны, чего нельзя было сказать о плотном полушубке пакистанца. Такого коварства он от меня не ожидал, поэтому попался, но сделал и свой неожиданный ответный ход. Когда я стал подбираться к нему ближе, чтобы добить потерявшего подвиж-

ность врага, он прыгнул ногами вперед мне в ноги, одновременно нанося удар ножом. Такого от него уже я не ожидал, поэтому пропустил удар в ноги.

«Е-е-е, больно-то как, неужто, ногу сломал!» – в мозгу вспыхнула мысль, а глаза «на автомате» отслеживали движение ножа, поэтому моя левая рука почти заблокировала удар, нанесенный в мой бок. Однако, пробив тонкую, но теплую овчинную куртку и попав в почти подмышечную часть тела, которую не прикрывал бронник, аист, все же, достал меня ножом, ткнув лезвием между ребер, что я очень даже почувствовал.

В результате своего прыжка, пакистанец упал на землю, а я, как подрубленная осина, свалился на него сверху и правой рукой сразу вцепился тому в лицо, стараясь нащупать и выдавить глаза. Вторая моя рука удерживала за лучевую кость правую руку «аиста», не давая снова ткнуть меня ножом. Мы извивались на земле, пиная друг друга коленями, ногами и головой. Пакистанец также высвободил свою левую руку, которой тут же вцепился в мою, не давая «рвать» ему лицо. Мы барахтались, хрипели, собираясь с силами и преодолевая боль, и снова пытались ударить друг друга.

Он потянул руку с ножом к моему лицу, пытаясь вырваться из моего захвата, но я вывернул его кисть с ножом и стал придавливать ее к его же шее. Второй рукой давил и толкал пакистанца в лицо, чтобы он затылком бился о камни.

Я был физически сильнее и тяжелее, и его рука неумолимо сгибалась под моим давлением. Вскоре я дожал руку, и нож уткнулся ему в шею, прорезав кожу – на шее выступили капли горячей южной крови. Еще немного дожать и я уйду отсюда живым.

– Я сдаюсь, отпусти, надо поговорить.

– Врешь.

– Аллахом клянусь, не обману неверного.

Он разжал кисть и я забрал нож, попытавшись встать с него. Мы оба хрипели от усталости, лица были замазаны текущей из порезов на руках и ноге кровью, а у того еще из носа и разбитых пистолетом губ и десен. Наконец-то я поднялся на колени, и на карачках отполз от него. Он лежал и смотрел в небо. Ноги мои оказались целыми, чему я несказанно обрадовался – выдержали кости удар-то ботинок. Я нашел свой и его пистолеты, быстро перезарядил «Вул» и подошел к нему со словами: «Надо бы тебе ногу перевязать!»

– Не могу, устал, помоги.

Я достал его индивидуальный пакет, оказавшийся гораздо лучше нашего: бинты, в том числе эластичный, удобные лейкопластыри, лидокаин и так далее.

– Держись, будет больно.

Он кивнул, я разрезал штанину и, сделав укол лидокаина из пластмассовой ампулы одноразовым шприцем, выдернул нож из бедра, попутно плеснув на рану какого-то обеззараживающего средства, найденного там же. Затем обмазал из тюбика какой-то клейкой жидкостью, а скорее всего медицинским клеем, тюбик с которой он указал мне, наложил бинтовую повязку на ногу, лейкопластырь на шейный порез и кистевую рану. Потом я продезинфицировал, залил этим же клеем и залепил лейкопластырем из его индивидуального набора порезанную сбоку по мясу свою кисть, а он мне помог склеить рану между ребер. Нож всего лишь разрезал кожу и немного мяса, уткнувшись в ребро, да и я не дал ему дальше проткнуть меня, так что там рана была хоть и в два сантиметра шириной, но неглубокая.

Разговаривали мы на английском.

– Меня зовут Зия Мохаммед, я майор пакистанского спецназа из подразделения «черные аисты». Я поклялся найти и убить шурави, который убил моего брата под Гератом и отрезал ему ухо. Под Гератом, точнее, возле озера Намаксар, а именно там ты и твои бойцы служили, была проведена операция по уничтожению подразделения «ухорезов», но воины Аллаха проиграли вам, шурави. Они все погибли, а ты выжил.

– Это война, Зия, мы гибнем, вы гибнете, ничего не поделаешь.

– Если бы они просто погибли, я бы оплакивал брата, но не более, вы же оскорбили меня, посмеялись над погибшими. Я мечтал о нашей встрече, представляя, как вырежу у тебя живого твое сердце и скормлю его шакалам... Но вот мы встретились, и я проиграл. Ты убил двоих «черных аистов» – моего напарника и меня, ты сильный, шурави Калина.

– Просто я изначально боролся за свою жизнь, а ты за чужую. Я расскажу тебе, с чего все началось. Ведь вначале нам и в голову не могло прийти ставить какие-то знаки на убитых «духах».

И я рассказал ему об изувеченных телах пленных русских солдат, найденных нами в горах.

– А дальше это стало уже смыслом охоты на вас, если хочешь, азартом охотника – переиграть врага и оставить свою метку. К тому же мы знали, что нас ждет в плену, значит, каждый был готов драться до конца, своего или вражеского. А твой брат так же хотел нашей крови, на наших 30 человек собралось порядка 400 воинов, разве это честный расклад. Ты думаешь, он просто бы убил нас, если бы взял в плен? Разделал бы так, как мясник разделяет барашка. Так что я таким способом мщу твоим соратникам за наших погибших ребят. Однако мы не издеваемся над пленными, в отличие от ваших людей, а обрезаем уши лишь у мертвых, которым уже не больно – это ты знаешь.

– Да знаю. К тому же слышал, как обычные люди о вас отзываются, поэтому и уважаю вас за это, как противников, – всех русских, кто идет в бой. Вы сильные духом люди, но только не тех, кто торгует вашей тушенкой на базарах.

– Настоящие воины, они знают, почему фунт лиха, поэтому и уважают достойного противника.

– Как погиб мой брат?

– Мы подготовили засаду на вашу засаду. Мой взвод пошел в разведку, чтобы выманить на себя ваши силы, когда оставленные нами наблюдатели засекли ваших наблюдателей. Мы так быстро драпанули, что ваши не успели замкнуть кольцо.

– Ха-ха-ха. Значит, тебя чуть было не поймали!?

– Ну да, заманили грамотно, но и мы не лыком шиты оказались. Скажу честно, ваши погоняли нас крепко, пока мы отступали к нашей засаде, а потом серьезно зажали на горе. Но вытянув вас в бой на целую роту, а не взвод, как вы предполагали, мы вызвали вертушки, которые и завершили ваш разгром. Если у твоего брата обрезано ухо, то мое отделение преследовало группу сбежавших командиров. Мы засекли их, окружили и уничтожили гранатами и из автоматов. Лично я в тот вечер никому уши не резал, я собирал трофеи, это кто-то из ребят отметился. Но скажу сразу, это мои люди и все это делалось формально с моего согласия, так что считай, что я сам ставил клеймо. Вот там и погибло несколько человек в черной униформе. Вроде был шейх Хаттан Бенгази, если правильно прочитал его водительское удостоверение.

– Шейх Бенгази, говоришь, это известный среди арабских наемников человек. Правда, сам стал уже староват, чтобы в полях бегать, но под ружьем у него много людей было, и власть имел большую. И еще, лидер группировки Халес остался жив, упав под стол. Остальных вы всех положили, тяжелораненые, скорее всего, умрут сегодня ночью.

– Не помогли ему его люди.

– Хорошо, шурави, я уважу своих людей, уходите и вы. Вот как оно бывает, пришел за твоей кровью, и отпускаю, потому что мой враг отпустил меня.

– Ну, кровью мы с тобой итак обменялись, так что считай, что кровниками, то есть братьями в борьбе за жизнь оказались.

– Точно, Виктор, братьями по крови оказались.

Он выдал на ладонь немного крови из пореза. Я на свою ладонь тоже выдал кровь из ранки, и мы пожали друг другу руки.

– Будешь в Пакистане, заходи в гости, брат.

– Будешь в Союзе, брат, тоже милости прошу быть моим гостем. А если серьезно, скажу лишь о том, что если узнаю тебя в бою, стрелять в тебя не буду.

– Тоже самое сделаю и я, а там на все воля Аллаха и твоего Христа. Если попадешь мне в плен, не бойся, никаких пыток не будет, я отпущу тебя, может быть, не сразу, но при первой возможности. Так что не лишай себя жизни.

– Спасибо, Зия, скоро мы уйдем из Афганистана, и здесь настанут новые времена и новые войны: радикальные исламисты – талибы и амеры. Прощай!

– Прощай, Виктор, я уведу погоню в сторону перевала. Так что уходи назад к Торе-Боре, а там на север.

Я потопал к своим, а Зия, припадая на ногу, поковылял к своим. Вот и такие встречи бывали в наших походах. Сильно болели ноги, все время, норовя подвернуться: «Вот гадский брательник, все-таки сильно ты меня ушиб, ударив по голени, но ничего, выберусь. Своих бы только найти».

Услышал, что впереди кто-то идет, приостановился, достав из внутреннего кармана трофейный «духовский» «Глок», который, как назло, запутался в накидке.

– Черт, оторвались от наших, куда топать теперь?

– На точку сбора номер один, куда же еще.

– Бугай, Хохол, свои!

– О, Кент, ты один?

– Пока да.

Отступая на точку сбора, мы зашли в тыл группе из семи человек, ведущей бой с кем-то из наших. В ночи попробуй отличить по внешнему виду переодетых «наших афганцев» от «не наших», но все что-то кричали на своем языке, поэтому мы быстро определились. Полетело две гранаты и сопротивление прекратилось, а мы, крикнув своим, что это мы, добились раненых. В группе были Шмель, Топтыгин, Мастак, Булочкин из второго отделения, он же Батон, и ТНТ. Однако, ТНТ и Батон были ранены, хорошо, что могли идти: ранения ТНТ было в руку, и посерьезней у Батона, пуля попала в ключицу – парня сильно шатало от боли и потери крови.

Мы уходили на север. Снова наткнулись на стрельбу – бежал одиночка, отстреливаясь, но тут же раздался выстрел второго.

– Кто это, один отступает?

– Вроде их уже двое, слышишь, слева кто-то присоединился.

Мимо нас пробежали Шубов и Док, которым мы майкнули, но те не остановились, продолжая редко отстреливаться, показывая выстрелами, где они. А за ними, прикрываясь камнями и темнотой, аккуратно бежало пятеро афганцев с одним бойцом в черной форме.

Своим правым флангом они нарвались на наш слитный залп, и последующие за ним контрольные выстрелы в голову.

Шубов и Док подбежали к нам: «Чего делаем, парни?»

– Батону все хуже, теряет кровь и больно ему, похоже, что ключица раздроблена.

– Есть шанс не уйти... Надо уходить еще севернее ко второй точке.

«Надо идти на первую точку, там наши собираются, а меня не будет, а ведь я командир», – проскрипел сквозь зубы ТНТ, держась за руку в районе плеча.

«Не дойдешь, Коль, точнее, не оторвемся с тобой, – ответил Шубов, – предлагаю на точку сбора идти мне, а Калинин уходить на север, там вас подберем вертолетами».

– У нас дальнобойной рации нет.

«Зачем рация, вот к этой горе выйдите и ждите вертушку со мной» – указал он на карте, подсвечивая ее фонариком.

– Парни, есть идея, если не получится, будем отходить к точке, которую указал Шубов.

– Толкай, Витек.

В итоге, Шубов, а также Бугай и Хохол, которые шли с Шубовым для подстраховки, побежали дальше к первой точке сбора, а мы с остальной братией потащились назад, как и посоветовал Зия.

Дело кончилось тем, что Док разложил носилки, на которые уложили Батона, и несли по очереди, меня друг друга. Мне вспомнилось наше бегство в лесах Финляндии с Алехиным, принявшего неравный бой и отдавшего свою жизнь за старушку и двух финских детишек. Смог бы я так поступить – не знаю? Хотя я был уверен в том, что с такими ранениями без операционного вмешательства не живут, и финны не выходили бы парня, однако все могло быть, и организм победил бы нанесенные травмы. И вот снова я тащу носилки с раненым товарищем, только вместо болот горное ущелье. Мы обошли последнюю горку перед долиной, примыкающей к крепости. У ее подножия стоял «Симург» и грузовик, остальные джипы укатили к крепости, наверное, забрав раненых. Я и Шмель двинулись к машинам и паре афганцев, сидящим возле машин. Мы были в афганской одежде, я изображал раненого, а Шмель, якобы, меня тащил.

– Как там, гоняют шурави?

– Да! Но меня ранили, больно.

– Садитесь рядом, ждем еще раненых и отвезу вас, сегодня много раненых возвращается. Мы подошли поближе и расстреляли группу из двух «Вулов».

В кузове лежало еще трое раненых, которых я добил. Со Шмелем мы закинули в кузов убитых «духов», туда же залез Шмель, снявший с вертлюги пикапа ручной пулемет. Я сел за баранку грузовика, а Мастак «Симурга», куда усадили наших раненых с Доком, и поехали к крепости. Доехав до грунтовой дороги от крепости в сторону гор, мы повернули на север, на Кабул.

К долине подошли еще шестеро бойцов во главе с человеком в черном, двое из которых были ранены, в том числе и сильно хромающий второй «черный аист»

– Куда эти ослы поехали, они что, крепость с горой перепутали, тупые дети иблиса!

– Может быть, получили указание от генерала Халеса? Не шуми Гасан, лучше вызывай еще машины, чтобы нас подвезли в лазарет.

Майор Зия Мохаммед смотрел на уходящие в горы машины и думал: «Все-таки Калина воспользовался моим советом и спер машины, хитрец. Как жаль, что этот шурави воюет за русских, мы с ним такие бы дела проворачивали».

Мы ехали по ущелью со скоростью черепахи. Мне вспомнилось видеозапись из кабины гонщиков на грузовиках с соревнований Париж-Дакар. Едет этакий грузовик со скоростью 240 километров в час по полному бездорожью, подпрыгивая и подлетая на бугорках. Вдруг мимо него пролетает «Камаз», сделав этих парней, как стоячих, обдав при этом облаком пыли, то есть скорость нашего экипажа реально под триста километров была. Я аж вспотел, представив себя сейчас летящим с такой скоростью по этой долине. Кругом было темно и вообще непонятно, в какое ущелье мы въехали и куда катим по нему, толи на север, толи на восток. Судя по карте, на востоке был кишлак Баньян, там нас могли ждать, если афганцы поняли, что машины угнали, а они это поняли – не дураки же. А если ехать чисто на север, то там кишлак Вазир на пути, но долины пошире, горы пониже, опять же рощицы «зеленки» есть, в том числе и сосновые. Так что вполне можно было и проскочить мимо этих Вазиров с их заслонами. Вот только, где этот гребаный север среди этих холмистых хребтов найти в темноте, да с покрытым тучами небом?

Меня догнал наш джип и Док, показав, чтобы я открыл окошко, прокричал: «Батон сильно бредит, вконец растрясем парня, может, остановимся?»

– Подруливай к холмам, и тормозим.

Мы встали у холма, переводя дух. У меня сильно болели лодыжки и голень – они капитально опухли.

Док поглядел на мои ноги и сказал: «Чего молчишь, у меня есть моя разработка – мазь на змеином яде и «Бодяга», сейчас помажем тебя – полегчает».

Пока я сидел и обмазывал свои голени, Док вколол ребятам промедол и снотворное, перевязал при свете фонарика руку ТНТ, а Батона решили не кантовать, ограничившись снотворным и промедолом.

Шмель забежал на пологий холмик метров в 500 и осмотрелся, заодно включив нашу переносную рацию, послушать эфир.

«Ну как?» – спросили его, когда он вернулся назад.

– Никак! Толком ничего и не видно, ни в прицел, ни визуально, хотя, если смотреть влево, то видны горы высокие, снежные, если в ту сторону, то в прицел видно, как будто горы сероватые, наверное, тоже снежные вершины, а в ту сторону – ничего не видно, темень одна. И еще, кнопками перестроил частоту на вражескую, и слышу, как афганец передает по-пуштунски, а затем по-английски: «Говорит Мухаммед, приказываю организовать засады в Вазире и Баньяне».

– Предупредил нас Зия, хе-хе, чтобы туда не совались. Давай, поглядим карту – большие горы со снегом высятся на западе, где ничего не видно – расположена долинная территория и «зеленка» с Вазиром, а в ту сторону будет кишлак Ландау – это восток. Все ясно, парни, мы сейчас примерно здесь, пойдём на восток, а затем повернем на север.

Проехав еще километров двадцать и, судя по местности, почти въехав в кишлак Ландау, мы свернули в широкий проход между хребтами с множеством растущих деревьев, правда, сейчас стоящих без листьев.

Так мы и ехали по каким-то плоским участкам и дорожкам мимо садов или деревьев, или просто вдоль ручьев на север. Получалось, что до Кабула через горные щели или долины нам ехать совсем не вариант: в горах можно легко заблудиться, в ущелье какое-нибудь свалиться или в обрыв упереться, да и нарваться на банды имела большая вероятность, поэтому мы устремились к шоссе, проложенному между городком Дарвешгей и Джелалабадом. Мы не промахнулись и к рассвету выкатились прямо на него, преодолев путь в восемьдесят километров, а если по прямой, то и сорока не будет. А дальше покатали по грунтовке на Джелалабад уже при свете восходящего солнца. Сделав санитарную остановку, а также промыв глаза водой, иначе слипались неимоверно, Шмель и Мастак общмонали трупы «духов», собрали с них простенький бакшиш, затем скинув их в придорожную щель между камнями.

Добравшись в дислоцирующуюся в городе часть нашего ограниченного контингента, о нашем «явлении народу» было доложено по рации Тарасову-старшему, раненых сдали в местный госпиталь, отоспались до вечера и на трофейных машинах убыли в Кабул. Ехали молча, шутить ни у кого не было ни сил, ни настроения, мы-то вырвались, а сколько наших товарищей из взвода осталось там, в горах под Тора-Борой.

Прибыв в часть, оказалось, что ребят во главе с Шубовым забрала вертушка, из строя выбыло пятнадцать человек, четыре из которых, кроме ребят из моей группы, были ранены, но Топтыгин оказался жив и отдал фотоотчет о проделанной работе в контрразведку.

В коридоре штаба бригады я снова столкнулся с Азизом. Мы тепло пообщались, он выразил сочувствие по поводу погибших ребят, и я понял, что он причастен к этой операции. Информация стратегического значения приходит к нам в штабы, в том числе и через него, значит, он важная птица, а не какой-то обычный переводчик.

## Глава 2. Солдатские будни

Разговаривали комбат и Шубов.

– Алексеич, я тут почитал ваши отчеты об операции, чего скажешь о Кенте, как проявил себя?

– Грамотный и рискованный боец, хорошо ориентируется в ситуации, считаю, что комбата он давным-давно перерос.

– А как проявил себя мой брат?

– Храбрый, но опыта маловато.

– Так, значит, я тут подумал еще погонять его по заданиям, а там, может быть, на комроты назначить?

– Рано ему еще ротой командовать, откровенно говоря, вот Кента я бы поставил на роту, а ТНТ ему в замы. Такое ощущение, что Кент воюет не год, а со своего рождения, опытный парень, не суетится зря, но и не спит, быстро принимает решения и действует. Твой брат, Тарасович, у него реально подучиться может.

– Сам понимаю, но он всего лишь старшина, тем более у нас человек новый, есть же в батальоне ветераны вроде тебя, поэтому, если и двигать кого, то их в первую очередь.

– Ты спросил, я ответил. По крайней мере, пусть он с твоим братом ходит на задания. С ним брат боевого опыта поднаберется и сам станет нормальным командиром, а пока еще теряется в сложных ситуациях, загубить напрасно людей может.

В части Тарасов провел инвентаризацию нашего взвода и дал указание всем раненым отправляться строем в лазарет.

– Есть отправляться в госпиталь.

– Переодеться в «афганку» не забудьте, а то у вас хватит ума в басурманской одежде заявиться, перепугаете там медперсонал.

Меня тоже определили в медсанбат, подлечить ушибленные ноги, то есть дать им разгрузку, заодно, и сшить ножевые разрезы на кисти и ребрах. Я лежал, отдыхал, играл в шахматы с другими ранеными офицерами и солдатами.

Конечно, я познакомился с медсестрами, особенно легко было общаться с хохотушками Ольгой Семиной и Наташкой Зинченко, которые кололи нам уколы и ставили капельницы, кому они были прописаны. Если они были свободны от работы, мы частенько болтали, а девочки весело смеялись над анекдотами или шуточными историями.

Лежал в госпитале и раненый в ногу рядовой по фамилии Костюшко, с которым у нас некоторое время происходили принципиальные шахматные баталии. Внешне и по характеру он казался несколько своеобразным парнем, даже не объяснишь в чем. Был он, как будто, немного не от мира сего. Он играл в шахматы, кстати, неплохо играл, но воспринимал каждый свой промах, как будто он проиграл целую войну. Краснел, пыхтел, что-то бурчал про себя, как бы обсуждая ситуацию в уме или отвечая нам, когда мы, солдатня необразованная, подтрунивали над его потугами, отношением к игре и вообще. Бывает, соберемся толпой, а еще, если и медсестры подойдут, и нападаем на Костю.

«Костя, вот глянешь на тебя, и сразу вспоминается песня Владимира Высоцкого «а из тебя какой солдат, тебя хоть сразу в медсанбат» – так что ты сюда по адресу сразу попал», – подшучивал над парнем я, а народ, смеясь, соглашался, потому что он был тощим, угловатым, каким-то нескладным и очень скромным, из-за чего постоянно краснел.

«А из меня такой солдат, как изо всех...» – цитировал он Владимира Семеновича в ответ.

Это его свойство подметили девочки и тоже заигрывали с ним, ставя в трудное положение: «Костик, а ты нас замуж возьмешь? Да, что сразу обеих, а сил хватит на двоих-то?»

Тут он вообще заливался красным цветом.

Еще я рассказал про его фамилию: «Костик, вот ты знаешь, откуда происходит твоя фамилия?»?

– Нет не знаю, от костей наверное?

– Причем тут кости, хотя судя по твоему «суповому набору», ты точно от военной косточки произошел. Так вот твоя фамилия, Костя, точно тебе говорю, происходит от польского военного деятеля времен Екатерины второй, Тадеуша Костюшко. Кстати деятельный перец оказался, он воевал в войске Речи Посполитой, был участником Войны за независимость США, руководил польским восстанием 1794 года против России, став попутно национальным героем Польши, США и Франции. Между прочим, как-то он изловчился и оказался целым генералиссимусом армии Речи Посполитой. Правда, носил это звание на протяжении восстания, пока его в плен русские войска не взяли. Вот, Костик, ты скажи, почему ты до сих пор рядовой, а твой шустрый пра-родственник мог генералиссимуса получить, да еще и в Польше? Это что он самый главный командир между деревенскими отрядами оказался, типа армия из 10 солдат из деревни Мхи напала на армию из деревни Поганка и одержала убедительную победу. Командир мхов получил звание генерала, а победив войска Мухоморов, Опят, Лишайников до генералиссимуса дорос?»

– Не знаю я, да и нет у меня в Польше родственников.

В общем, с моей легкой руки в шахматных битвах его иначе, как генералиссимус, генерал или просто Тадеуш, никто и не называл. Поскольку я пошутил с этой песней, а потом и рассказанной историей при нескольких офицерах нашего шахматного клуба и трех молодых медсестрах, болтающих с нами, вызвав веселый смех, но ведь и, правда, без слез не взглянешь на парня, то все это проявилось в его огромном желании обидеть меня на шахматном поле. Бился он со мной до последнего патрона, то есть пешки. Результат партий был разный, то я его обыгрывал, то он меня.

– О сегодня у генерала Тадеуша праздник, он явно в ударе, Витька разгромил!

«Ха-ха-ха!» – народ тоже заметил его желание встретиться именно со мной за шахматной доской и подшучивал над этим.

«Вот делать вам нечего, смеетесь над парнем, – говорила нам Олечка, – пойдем Тадеуш, тьфу ты, Костик, вечерний укол получать».

«О чем задумался, герр Константин?» – как-то спросил я стоящего у окна Тадеуша.

– Да вот, Вить, смотрю на заходящее солнце и вспомнил, как мы шли по «зеленке» на зачистке. Во двор к одному афганцу заходим всем отделением, а из-за дома летит граната и между нами на землю падает, прямо рядом со мной. Я на нее и лег, чтобы закрыть телом – ведь пусть лучше один погибнет, чем все. Лежу я и вижу такое же солнце в небе, как сейчас. Только граната не взорвалась. А потом выстрелом меня в том же бою ранило в ногу, вот я тут и оказался.

Я смотрел на этого простецкого советского 19-летнего парня, и у меня сжалось сердце. Вот какие они бывают, с виду совсем неказистые русские парни, а такие сильные духом.

– Так ты из «курков», Костя, а не писарь при штабе?

– Ну да, из мотострелкового батальона, к десанту на БМП приписан. Это сейчас я сюда попал, а вначале мы под Гератом в Гузаре стояли. А там слухи об «ухорезах» ходили, чего они только не вытворяли, караваны в каждом походе пригоняли и столько духов порешили. Жаль, что не видел их, дембельнулись до меня парни. А еще у них там командир был отчаянный, Калина кличка, за его голову даже награда была назначена. А я что, ничего особого не сделал, просто бы погиб и все. Так ни одного духа и не застрелил за эти месяцы.

– Герой ты, Костя, настоящий советский герой. А «ухорезы», такие же обычные ребята, как и ты, просто они хорошо тренировались и хорошо учились воевать. А в походах все бывало, и они теряли своих товарищей, и гоняли их по горам «духи», но и они уничтожали врагов,

бывало, что и небольшие караваны пригоняли. На твоём месте я ногой выбил бы гранату назад или куда подальше и упал, а вот так лечь на неё, наверное, не смог бы.

– Нет, Виктор, ухорезы – это ого-го, настоящие воины, вот бы познакомиться с ними!

– Тренируйся физически, не сачкуй, учишься быстро делать все: менять магазин в автомате, набивать патроны, метать ножи, камни, хорошо стрелять, учи язык местных, чтобы понимать их разговор, и станешь, как настоящий «ухорез», точнее хороший солдат развебата, кем они и были. Диод, Шмель, Док, Тестер, Топтыгин, Филя, Степашка, Мастак, Кузнец, Ромео, Кент, Токарь, Малыш и другие – все они были обычными советскими ребятами. Сейчас кто-то ушел на гражданку, а кто-то до сих пор воюет по контракту. Костя, а познакомиться с ними несложно, как говоришь, позывной командира был?

– Калина!

– А как моя фамилия?

– Не знаю...

– Вот узнай.

А вечером на шахматном рауте я рассказал ребятам и подошедшим медсестрам о том, что сделал Константин Костюшко, чтобы спасти своих товарищей. Все сидели молча, смотря на него, а Костя покраснел, как красное яблоко.

«Вот он какой, обычный русский солдат, – сказал майор, наш чемпион по шахматам, положив руку на плечо Константина, – узнаю суть дела и подам рапорт на награду тебе, Костя».

«Что-то я сегодня не могу играть», – извинился Костя и ушел в палату. Позже он пошел на сестринский пост дежурной медсестры.

– Наташ, а как фамилия Виктора?

– Какого, их у нас несколько?

– Ну, с кем ты болтаешь часто.

– Калинин, а что?

– Да так, ничего, а ты про ухорезов слышала?

– Нет, а кто это?

– Это неважно, значит, надо тренироваться, а не отдыхать.

За неделю меня подлатали и выписали продолжать службу, а Костюшко еще долечивался.

– Товарищ старшина, я постараюсь тоже стать таким же, как ухорезы.

– Только уши не режь, просто хорошо делай свое дело. А уши мы и не думали резать, а вот повидали как-то раз такое, что после этого и стали таким способом отмечать свой боевой путь. Но нас была команда, а ты один, так что просто воюй и вернись домой живым и здоровым, рядовой Костя Костюшко.

Я уходил из госпиталя, а в окне стояли две дежурные медсестры и Костя. Я поднял руку и помахал им, в конце сжав руку в кулак, и три руки помахали мне в ответ, а Костя так же сжал в кулак свою руку.

Снова начались солдатские будни. Тренировал и я новоприбывших бойцов на нашем бригадном полигоне. В часть попал высокий и здоровый туркмен по имени и фамилии Касым Касымов или «Кася» из спортсменов-боксеров. Как и многие здоровые люди, был он человеком добродушным, улыбчивым, философски относящимся к превратностям своей судьбы. При всей своей богатырской силе, был он, как бы так точнее сказать, немного не адаптирован к полевой службе, из-за чего иногда ему доставалось «на орехи».

Взвод по отделениям тренируется на полигоне, парни ползают по-пластунски под натянутой проволокой с колокольчиками, кидают из положения «лежа» гранаты и ножи.

– Кася, задницу опусти, прижми её к земле, что ты все время её задираешь.

– Не получается, товарищ старшина!

– Учись!

«А может ему нравится в позе рака стоять?» – ржет ползущий следом тоже новоиспеченный сержант-спецназер Ваня Драчёв с позывным «Драч», а как его иначе называть?

– Мне не нравится раком, тащ старшина, по-другому не получается, но я учусь.

– Драчев, разговорчики, соблюдай дистанцию, а то все норовишь своей каской Каси в попу воткнуться – токсикоман что ли?

Драчев замолкает и пыхтит дальше, ползя за Касымовым.

– Кася, опусти зад, твою дивизию! Смотри, задерешь ее высоко, враг из пулемета и отстрелит, таскай потом на руках тебя и твои полупопия.

– Зачем таскать полупопия?

– Чтобы дома пришить, в госпитале в смысле.

Потом были выходы на задания и очередные изнуряющие тренировки – боец не должен просиживать без дела, а должен от рассвета до заката...

Опять плановые тренировки, сегодня учимся забегать на деревья и преграды типа забор до второго этажа, а также соскальзывать вниз по углу здания, раскорячив ступни и локти, как это хорошо показал Джеки Чан в фильме «Кто я».

На полигоне стоят с умным видом и наблюдают за действиями личного состава я – командующий тренировкой молодого пополнения, ТНТ, командир нашей бригады полковник Борис Александрович Головки, комбат Тарасов и прибывший на какое-то совещание помощник начальника штаба дивизии по разведке майор Володя Хоткевич.

Кася с разбегу по стволу не забежал, а влетел на дерево, уцепился за ветку, растущую из ствола метрах в трех с половиной над землей, подтянулся, перекинул ноги и уселся на ней возле сломанного шпилька сухой ветки, торчащего сантиметра на три.

– Молодец, отлично, уложился в норматив, слезай!

Все мы аж замерли, наблюдая за случившимся. Кася хотел изящным движением соскользнуть с ветки, удерживаясь за нее руками и кувырком вперед красиво опуститься на руках, «вися по стойке смирно», а затем спрыгнуть, как это мы все делали, но вместо этого...

Вместо этого он зацепился за этот шпильку армейским ремнем и верхней, поясной частью армейских брюк, и просто повис на ветке, болтая руками в воздухе. Тело и голова оказались тяжелее ног, и Кася, медленно наклоняясь вперед, сантиметр за сантиметром стал выскользывать из брюк. Как только ремень прошел Касины бедра, брюки резко собрались в районе берцов, а Кася по закону всемирного тяготения полетел вниз. Вот так он и висел – ступни в берцах, с зацепленными за сучок брюками и труселями вверху у ветки, а голова и руки у земли, в общем-то, также вытянувшись по стойке смирно во весь свой двухметровый рост, при этом светя своим «подсобным хозяйством» на весь полигон.

Дикий хохот раздался над полигоном. Все стояли согнувшимися или держащимися за лица, сотрясаясь от смеха. На улицу стали даже выходить наши повара и хозяйственники, пытаюсь понять, в чем причина, а когда понимали, то присоединялись к остальным. Кася покачивался на ветру, немного поворачиваясь по оси, как будто показывая всем со всех сторон «видали, что у меня есть!»

Головки, держась за лицо, вытирая текущие слезы, пытался сказать: «С-с-снимите его, ха-ха-ха!»

От всего этого Кася, очевидно перевозбужден, и поведение его дружка стало напоминать шутку ребят из «Камеди клуб», звучащую примерно «а мой ковбой днем 17-19, а ночью до 25». Так и Касин прибор вначале напоминал тощую охотничью сосиску, на глазах вырастая в финский сервелат.

«Бойцы, быстро снять своего товарища, попавшего в беду», – скомандовал Тарасов. Парни, периодически сотрясаясь в приступах смеха, бодро полезли на дерево, пытаюсь снять его с сучка, а двое бойцов поздравнее, приподняли Касю, чтобы он не натягивал свои штаны и

их можно было отцепить. В общем, операция спасения прошла удачно, а сучок парни спилили в тот же день на всякий «пожарный».

Бывали еще казусы. Служил у нас рядовой Женя Галушин, добродушный паренек, по какому-то случаю оказавшийся в технической службе батальона, хотя был так же близок к технике, как Меркурий к Плутону. Как-то я, несколько технарей и начальник радиоотделения Серега Шевченко сидели и обсуждали развитие микроэлектроники, телевизионной и радиотехники.

– Сейчас мониторы и телевизоры с ЭЛТ-трубками, но на Западе уже сделаны плоские жидкокристаллические мониторы.

– А как насчет разрешения, у ЭЛТ телевизоров 625 строк разрешение, а у ЖК?

– У них в пикселях разрешение экрана измеряется, но на сегодняшний день по качеству изображения они однозначно с ЭЛТ рядом не стояли. Но ЖК из-за размеров и веса в ряде случаев намного удобнее, так что за ними будущее.

– Значит, дело в пикселях. Женек, бери лист, пиши служебку на начальника батальона о том, чтобы нам выдали со склада 700 пикселей или мало будет?

– Проси тысячу.

Женя исправно написал такую служебную записку, Шевченко завизировал, и она ушла в канцелярию, точнее, к писарю батальона.

Тарасов сидел и читал пришедшую на батальон служебную почту: «Так, приказы, заявки, а это что, ага, заявка от технарей. Чего-чего выдать – пиксели, исполнитель Галушин, подписал Шевченко. Ну, старший лейтенант, ну Шевченко. Напишу-ка тогда и я резолюцию».

Начальник хоззвода капитан Штельман чесал репу, пытаясь понять, что это такое и где ему взять эти пиксели, куда направить заявку на такое количество этой хреновины.

– Ладно, пойду, узнаю у Тарасыча, что там за пиксели такие. Анатолий Тарасович, получил ваше указание выдать пиксели Шевченко, что это такое, куда он их лепить собрался, да еще 1000 штук?

– Юра, я понимаю, что ты человек, далекий от техники, поэтому тебе простительно. Наш остряк Шевченко над Галушиным развлекается, а пиксели – это...

– Ха-ха-ха, ну Шевченко, ну юморист. Тарасович, перевел бы ты Женю в хоззвод, ну какой из него технарь.

– Придется.

А Штельман повесил эту служебку на видное место в своем кабинете, как напоминание о том, что надо изучать вопрос, прежде чем его исполнять, а то бы в бригаде и о нем легенда появилась, как он в Москве пиксели «выбивал».

### Глава 3. Большой караван

Январь 1989 года, в мае начался вывод ОКСВ из Афганистана, а к 15 февраля 1989 года на его территории не должно было остаться ни одного советского военнослужащего из ограниченного контингента. Лидер страны Мохаммад Наджибулла был против вывода войск, но у руководства СССР было иное мнение. Недолго этот лидер пробыл во главе государства, затем несколько лет просидел в здании миссии ООН, спасаясь от смерти, пока не был выдан талибам и ими же расстрелян. А гражданская война в Афганистане будет длиться еще не одно десятилетие.

Командующий 182-й мотострелковой Кабульской дивизией генерал-майор Виктор Алексеевич Яценко смотрел на собравшихся офицеров. Среди них был один афганец.

– Товарищи офицеры, мы собрались для того, чтобы проработать операцию по уничтожению каравана афганских моджахедов. По поступившей от афганских товарищей оперативной информации, ожидается прибытие большого каравана. На основе агентурных данных караван должен перейти из Пакистана через Хайберский перевал, который как вы знаете, располагается в горах Сафедкох на высоте одного километра, то есть в среднегорье и в настоящее время хорошо проходим.

– Древний торговый путь, часть шелкового пути.

– Да, так и есть, но мы его не контролируем, поэтому придется ловить караван ближе к нашим базам.

Более подробную информацию доведет до вас наш афганский коллега, майор армейской разведки Азиз Аббас и начальник разведки дивизии Владимир Сергеевич Хоткевич. Штабом будет проработаны детали операции с привлечением бойцов спецназа, которые отработают на дальних подступах у Пакистанской границы и будут сопровождать караван.

Докладывал Азиз: «По полученным данным от наших товарищей оттуда намечается большой караван в провинцию Пагман. В этом района нам противостоит Абдул Сайяф, умный и опасный полевой командир, лидер фракции моджахедов «Исламский союз освобождения Афганистана».

– Что ожидается в караване?

– Как обычно, оружие для продолжения борьбы, наркотики, которые пойдут транзитом в Союз, и вероятно, большая группа арабских наемников.

– Сарбозы участвуют в операции или только наши части?

– Нет, боимся утечки информации, поэтому только советские части. Дальше на зачистку и вылавливание в горах недобитков можно будет привлечь солдат народной армии Афганистана – сарбозов и милицию – царандой.

– Что скажет наша разведка, Владимир?

– Неделю назад спецназом были взяты в плен разведчики из Пакистана, разрабатывающие маршрут движения каравана. Готовит и поведет караван известный и очень удачливый караван-баши Абдель ибн Усман. Потому разведка у них конкретно работать будет, определяя маршрут, точки ночевки и отдыха. Этот лис так просто не сунется, ведь за потерю каравана старшему грозит смерть.

– Что же, будем ловить и искать.

Вечером во взвод после совещания у комбрига, прибыл ТНТ: «Командиры отделений, прошу ко мне в комнату, получена боевая задача».

Нас подбросили к Гардезу на грузовиках, а дальше мы топали по горам пешком. Была задача тайно подойти к границе с Пакистаном, где надо было выявить караван, навести на него нашу авиацию и десант, а при необходимости, атаковать врага.

Разные были афганцы, которые противостояли нам. Было откровенное «пушечное мясо» из бывших крестьян, за два месяца подготовки только научившиеся стрелять в цель, а были и матерые бандиты, потомственные контрабандисты, охранники опиумных караванов и просто грабители, с ранних лет знакомые с оружием и занимающиеся этим делом под руководством старших родственников. Эти парни были опасными соперниками, прекрасно ориентирующимися в местных горах, хорошо владеющими разным оружием и настоящие воины по духу – бились до последнего.

Операция была серьезная, так что на дело шла полноценная рота, разбившаяся на три взвода, и державшая дистанцию в пять-семь километров друг от друга. У всех были свои конкретные зоны ответственности, но нанести удар мы были должны разом. Группы были оснащены японскими рациями – «малыми коробочками» для поддержания оперативной связи.

– Гребаный Гиндукуш, когда уже он закончится!

– Бугай, километров через 700 на восток он закончится, правда начнутся Гималаи, а впереди километров через 150 начнутся равнина и пустыни Пакистана.

– Спасибо, Кент, успокоил, ты всегда хорошо умел это делать.

– Обращайся.

Шли мы на поиски большого каравана караван-баши Усмана. Попутно требовалось было уничтожать все то, что шевелилось под зеленым флагом воинов ислама, чтобы они не доложили о нас Усмону. А вот, если нас не засекут, то аккуратно и тихо пройти мимо, не показываясь на глаза. Вел нас горными тропами проводник из местных. Каждую нашу группу вел свой проводник, но о двух других группах проводников не информировали и набирали их разных сел.

Вот мы прошли мимо нашего горного блокпоста, если прижмут «духи», то сюда можно будет отступить, тут человек 30 сидит, да оружия много и боеприпасов.

– ТНТ, вроде не в эту щель должны были идти?

– Да, хрен его поймешь, Кент, направление проводник четко держит, но почему поменял маршрут – не знаю.

– Гасид, почему пошли в другую щель?

– Там обвал, не пройдем.

– Когда обвал был?

– Неделю назад.

– Гасид, смотри, друг мой, если заведешь нас в засаду, то первая пуля тебе,. Подумай, пока не поздно.

– Нет, что ты, рафики, правду говорю, Аллахом клянусь.

«Думаешь, засада?» – обратился ко мне Шмель.

– Помнишь Намаксар, как нас чуть не прихватили под Кенар-Капехой, если бы не Мастак и вы.

– Я оттянусь назад.

– Давай, для начала растянишь отделением по тропе, чтобы наш «следопыт» не заподозрил ничего и приотстань, а я вперед погонять его буду.

На нас оглянулся афганец-проводник.

– Парни, может это и паранойя, но оружие к бою. Впереди должен быть кишлак, там нас могут встретить.

– Мы же не будем в кишлак заходить.

– Не будем, Хохол, я имел в виду, что ополчение из кишлака в горах может устроить засаду.

Проводник и трое парней из передового дозора повернули за гору, и сразу раздался крик Лесника: «Духи!»

А затем раздались выстрелы из винтовки и автомата – мы нарвались. Основную группу обстреляли засевшие на горе над нами ополченцы, завязался бой.

– Ушел, проводник, сволочь!

Солнце стояло в зените, и нам было тяжело, поднимая голову вверх, высматривать афганцев в серой неприметной одежде на фоне серых камней. Им было проще, и они нас понемногу, но уверенно прорезживали. Хохол пытался связаться с соседними группами, постоянно вызывая их по маленькой коробочке «уоки-токи».

Я лежал за камнем, стрелял и посматривал на потуги Хохла: «Не надрывай горло, лучше отстреливайся, горы экранируют, да и далеко наши соседи, разве что стрельбу услышат и подойдут, может быть».

Тут раздались выстрелы на горе – Шмель с девятью бойцами взобрались на гору и ударили во фланг засевшим в засаде «духам».

Афганцы стали отступать, понесся потери, а куда – в кишлак.

– Кент, ты снова прав.

– Дело в том, что мы прорабатывали маршрут три дня назад, а проводник сказал, что эти тропы неделю назад, как завалило, что меня и смутило.

– Что делаем, атакуем кишлак?

– По-хорошему, надо бы нашим снайперам отстрелять в этом кишлаке всех мужиков, которые попадутся на глаза. Так что снайперам занять позиции вокруг аула, а отделению надо обязательно двигать за отступившими духами, чтобы добить их, иначе они снова нам в спину вцепятся.

Дальше командовал ТНТ: «Василек, берешь парней и вперед за «духами», Самоделкин, а в жизни младший сержант Андрей Разумнин, раскидывай антенну, вызывай вертушку, раненых и убитых парней надо забрать. Предупреди остальные наши группы о предательстве проводника, может, поймают тебя в эфире».

За выступом горы убитыми трое наших парней, в общем, в ходе боя мы потеряли целое отделение убитыми и ранеными – поймали нас «духи». Хорошо, что это были ополченцы кишлачной самообороны, а не профи, те бы нас всех перещелкали из засады, засев на вершине горы.

Я, а за мной и многие ребята перекрестились – пронесло в этот раз, а я про себя прочитал и «Отче наш». Через час появилась пара вертушек, а наш отряд, оставив четверых у раненых, двинулся отлавливать моджахедов. Снова винтовочные дуэли, снова кровь и убитые люди – чьи-то братья, отцы, деды, снова горе в наших и афганских семьях.

Мы прошли этот кишлак, принесли в него смерть, идя вперед, но уже ориентируясь по карте. К вечеру подойдя к контрольной точке, забрались на нее и стали ждать.

Сотни лет по найденным тропам в горах ходят караваны. За эти столетия менялись люди, содержимое караванов, даже смещались тропы, если происходили обвалы или землетрясения, но караваны шли всегда. Получается, что деньги или золото – это главный двигатель жизни. Люди рисковали, уходя в Китай, Индию, Персию, Аравию, Европу, чтобы отвезти туда одни товары, а привезти другие и заработать бакшиш, несмотря на непогоду, банды или войны. Кто-то из них сгинул в пустынях, джунглях или горных массивах, а кто-то стал очень богатым человеком.

Сейчас же по этим тропам и дорогам двигались торговые караваны обычных торговцев, которые часто ехали на барбухайках, а шли и контрабандисты с ишаками, лошадьми, мулами или верблюдами, а там где невозможно было пройти даже выючным животным, «добро» несли пешие носильщики – афганцы, пакистанцы, индусы.

Разведке спецназа ставились задачи, проанализировав рельеф местности по картам и живую, читая донесения агентов и видя данные аэросъемки, обнаружить и уничтожить такие караваны. Так и сейчас мы сидели и ждали, в небо периодически взлетал «Орел». Шмель при-

вез «Орла-4» назад, так что у нас во взводе было две птицы. Одна из них сейчас летала, а может и не летала, а лежала в походном состоянии, километров за 10 от нашей точки, будучи переданной в 1-й взвод. Мимо по неширокой щели ехала пара убитых тарантасов типа «Газели» только, судя по округлым обводам кабины, 40-х годов выпуска.

– Наши клиенты?

– Что-то непохоже на наших, обычные торговцы, а может и разведка, будем пропускать.

– Как думаешь, из кишлака передали о нашей группе по рации Усману?

– Если радист остался жив, то передали, что где-то в горах болтается группа шурави, а если погиб, то пеший «бегунок» из пацанов пошел в горы предупредить.

– Кент, ты думаешь, что это могут и разведчики быть, тогда их брать надо.

– Не суетись Топтыга, по-любому, информация о бое ушла, а нам лучше не засвечиваться. ТНТ, ты как, согласен со мной?

– Согласен, подождем настоящий караван.

Контрабандисты предпочитали двигаться ночью, по крайней мере, по тяжелым, с точки зрения маскировки, участкам, а честные торгаши – те наоборот, ездили днем и при встрече с вертушками сразу выскакивали из машин или соскакивали с лошадей и падали на землю, показывая, что они «чистые». В утренних сумерках Самоделкин сидел на рации, ловя выход в эфир других групп.

В эфир вышла группа Макса Лунева.

– Передает Лунь, наблюдаю картинку с «Орла» – движение порядка 25 единиц техники с горящими фарами. Едут медленно, дистанция до точки ориентировочно 10 километров, похоже, что наши клиенты.

– Вас понял, ТНТ, выдвигаемся к вашей точке.

– Ну что, братва, потопали, есть караван.

Что же, это было предусмотрено планом операции, если караван будет засечен нашей группой, соседями или с блокпостов, то все ближайшие подразделения подтягиваются для атаки на него.

По карте при свете фонариков мы еще раз прикинули маршрут движения каравана в зависимости от изгибов долин или более узких проходов между параллельными горными грядами – щелей, и куда мы успеем добраться. Благодаря «Орлу» парни засекали врагов намного дальше, чем, если бы просто лежали на горе, так что у остальных групп было время для подхода.

Мы двигались в сторону Пакистана, чтобы по возможности перехватить отступающие части или машины. Основной удар нанесут наши вертушки, сбросив еще и десант из бойцов ВДВ.

Шли, зевая и потягиваясь, периодически ежась от утренней прохлады. Где-то далеко на Востоке Солнце уже озарило Землю, отражаясь от снежных вершин Гималаев и переливаясь при этом всеми цветами радуги, а у нас небо было еще серым, лишь над горами оно чуть посветлело. Идти нам предстояло почти два с половиной часа, поэтому из прогулочного шага мы втягивались в «боевой режим» быстрого хода.

Так мы и шли до тех пор, когда стали слышны звуки боя, причем, боя конкретного. Впереди нас на высоте километра в четыре, мы ориентировались по шуму винтов и уже различимым на фоне неба силуэтам, прошло три пары вертолетов, делающих поворот по большому кругу и снова заходящих для атаки. Полетел «Стингер», след от которого был виден даже нам, и один из вертолетов «поймал» ракету. Он завилял, задымился, от него что-то отлетело, и вертолет стал падать, в небе раскрылось три купола парашютов.

– Твою ж дивизию, подбили!

– Не тормозить, парни, побежали, надо летчиков прикрыть, они как раз на траектории нашего движения спускаются. Вперед, волки, осталось километра два отмахать и мы «в деле».

Группа вслед за ТНТ рванула вперед, перейдя на легкий бег.

Бой был километра за три слева от нас, а мы получалось, что заходили в тыл сражающимся. Там шел серьезный «замес».

– Слышишь, Кент, такое ощущение, что там несколько сотен стволов работает, какая плотность огня высокая.

«Не нравится мне это», – ответил я на ходу.

– Да, что-то слишком много стволов палит.

– Вроде бы, «на вводной» говорили о наемниках для пагманской группировки.

– Ну да, похоже.

Мы преодолели последний рубеж, взбежав на холм, и улегшись на вершине горки, стали осматриваться.

– Где летуны?

– Не вижу, наверно в соседней щели приземлились.

– Что делаем, командир?

«Тут тишина, выдвигаемся по дну ущелья к месту боя, а там разберемся», – ответил ТНТ и мы, перемещаясь короткими перебежками, двинулись вниз по горе. Спустившись на дно щели, вперед ушел авангард – я, Топтыгин, Бугай и Хохол, остальные, равномерно распределившись, разбежались по обе стороны прохода, и отряд двинулся вперед. Топтыгин докладывал ТНТ по рации о том, что мы видим.

– Есть контакт, вижу бой – «духов» человек под 200, облепили склоны горы, как муравьи и стреляют по нашим, куча мертвых, есть разбитые барбухайки.

– Вас понял, подтягиваемся.

Я осмотрелся – бой шел серьезный. Похоже, что наша десантура пыталась продавить по центру, а спецназеры первого и второго взводов обойти «духов». Но те заняли позиции и держали полукруговую оборону. Подойдем ближе, наверняка, наткнемся на их тыловых наблюдателей.

В общем, дождавшись остальных спецназовцев, мы также полезли, прячась за камнями, на окружающие холмы и стали палить по «духам» с тыла.

– Тут самим от пулеметов наших летчиков не пострадать бы. Самоделкин, передавай, что мы заняли позиции в тылу каравана.

– Есть, ТНТ, сделаю.

Бой шел почти полчаса, затем его интенсивность спала, но у духов были еще ручные пулемет и ПЗРК, они прятались за автомобилями, за камнями и давали нам приличный отпор. Численного превосходства у нас особо и не было, а техническое было – нам помогали вертолеты, а затем по нескольким огненным точкам десантники шандарахнули из огнеметов «Рысь» – горело все в районе взрыва: люди, машины, даже камни. Затем вертолеты поднялись на 5 километров и сбросили бомбы. Вот тут и нам поплохело, отбомбились они относительно недалеко от наших позиций, так что, и нам досталось камнями, щебнем и осколками.

– Отступать надо, ТНТ, пока нас тут с землей не сровняли!

– Куда отступать, сейчас «духи» побегут, кто их встречать будет? Самоделкин, дай в эфир вводную, чтобы по нам летуны не бомбили.

«Духи» стали отступать и нарвались на нашу линию обороны. Тут их еще с боков прижали спецназовцы двух других взводов, так что, те стали сдаваться. А несколько групп по 2-3 человека и одиночки пытались уйти, прячась за складки горной породы. Кто-то и ушел, а большинство выживших и раненые, сдались. Небо порозовело и скоро лучи небесного светила коснутся облаков над нами, станет совсем светло. На близлежащих вершинах были выставлены «секреты», а командиры и бойцы «пехоты» рассматривали добычу и подсчитывали потери. На базу ушел отчет о разгроме каравана. Вертолеты забрали наших раненых и погибших, и также ушли в Кабул.

- Тяжелый караван, много охраны. Мы и не ожидали, что почти триста человек будет.
- Да тяжелый, правда, непонятно, какой-то не такой караван.
- В смысле?
- Да пустой, то есть боеприпасы, оружие на один-два боя, а где остальное, где героин или опий, что там должно быть, где взрывчатка, патроны, оружие?
- «Хм, умеешь ты, Анатолий, озадачить!» – сказал ТНТ, обращаясь к своему брату комбату Тарасову, прибывшему на одной из вертушек.
- Обманка, получается, а где тогда настоящий караван?
- Давай связь с комбригом, надо проинформировать, что мы взяли ложный след.
- Допросите пленных, кто караван-баши этого «поезда».
- Кент, ты же говоришь по-ихнему, давай допрашивай.
- Афганцы, которых я отводил в сторону, чтобы моих вопросов не слышали другие пленные, отвечали одно и то же.
- Товарищ комбат, басурмане говорят, что старший Рахман-Ака, вон он убитый лежит, а о другом караване он ничего не знает.
- точно обманка, переиграл нас Абдель ибн Усман – бородатый таракан.
- Утром в кабинет к Яценко постучался Азиз.
- Товарищ генерал, вышел на связь наш агент в Пакистане. Он сообщает, что наш караван вышел на связь, сообщив, что перешел реку Куррам и стоит на ночевке.
- Да знаю я, Азиз, доложили уже, что мы не тот караван взяли. Куррам длинная, где их искать там?
- Мы совещались там же на месте сбоя, получив новое ЦУ из центра.
- Они перешли Куррам и встали на отдых.
- «Слушай, ТНТ, а те две барбухайки, случайно не были их разведчиками? – спросил Мастак. – Может быть, пока мы сюда шли, там по проходу и прошел караван. Мы-то тоже Куррам пересекли, проводник провел нас там, где место удобное».
- Да, место там довольно удобное, берега пологие, и дно по колено, вполне хорошее место для перехода.
- Ну что, парни, двигаем!?
- Твою ж дивизию, это почти 25 километров назад топать по горам.
- А кому сейчас легко, это спецназ, Хохол.
- Две третьих роты оставшихся в строю спецназовцев и половина взвода ВДВ втягивались в разрывы горной гряды, чтобы вернуться назад к реке и приступить к поиску пропавшего каравана, сразу выделив парней в авангард и арьергард. Так же по радиосвязи на базу в бригаду были доложены наши соображения по ситуации. После расшифровки сообщения и согласования его в вышестоящих инстанциях, мы приняли ответную радиограмму. Радист расшифровал ее, и мы узнали, что получили «добро» на наш план действий.
- Привал. Час на отдых и снова вперед.
- Парни-связисты полезли на гору и попытались связаться с базой летчиков, чтобы скоординировать время подхода-подлета. Переведший дух отряд снова шел вперед по сухой каменистой почве, поднимая пыль, задыхаясь от духоты и истекая ручьями пота под жарким солнцем юга. Уставшие за бессонную ночь, намотавшие километры пройденного пути по горам, принявшие кровавый бой, да еще парясь под этим солнцем, все мы шли в каком-то отупении, механически переставляя ноги. Темп движения плавно снижался и мы, естественно, не успевали к выходу на обговоренную точку.
- «Елки зеленые, парни, поднажмем, летунов подведем, спецназ, не отставай от ВДВ!» – подбадривал нас более свежий старший Тарасов, утром прилетевший на вертолетах вместе с бойцами ВДВ.

Мы встряхивались, ускорялись и шли вперед быстрее. Где-то вдалеке послышался шум вертолетных винтов. Я включил «маленькую коробочку» и стал периодически выходить в эфир, чтобы летчики поймали нашу передачу. Но пока безрезультатно, видать, все же, далеко были летуны и мощности радиостанции не хватало.

Снова шло три пары вертолетов на большом расстоянии друг от друга. Летчики шли на высоте под пять километров, почти на своем потолке, стараясь охватить как можно большую зону наблюдения и не попасть под атаку «стингеров».

«Сергея, как слышишь, вижу реку, приближаемся к месту поиска», – сообщил командир «крокодила» лейтенант Миша Тимошенко своему «ведущему» комэску капитану Быкову.

– Тебя понял, реку не вижу, мешает гора, наших парней видишь?

– Нет.

– Парни, внимательно, зона с сильным ветром и турбулентностью, чтобы вас не закрутило в воздушном потоке и на скалы не бросило!

– Приняли, кэп. Боремся с ветром и горами.

Мои ребята поймали на рации переговоры летчиков.

– Бугай, поднимись на гору, помаши рукой летунам, может, увидят или с горы поймают нас по рации...

Леха рванул вперед и вверх, а остальная группа двинулась вперед, ведь по переданной нам информации, моджахедский караван пересек реку, а мы до нее еще «хорошо» не дошли. Первое звено пролетело над рекой и стало поворачивать назад, выходя на новый участок поиска. За ним приближались следующие два борта.

– Говорит Котов, вижу бойца ВДВ на горе километров за семь от реки, машет рукой.

«Понял тебя, Кот, опаздывают наши ребята. Давай на новый круг влево уходи», – ответил ему Быков.

Поймав эти переговоры, мы поняли, что нас заметили.

Вертолетчики, совершив разворот, «встали по солнцу», оно перестало слепить глаза и наблюдать землю стало легче. Все три парные группы сделали уже по полному кругу и, развернувшись в очередной раз, снова заходили от солнца над районом поиска.

– Командир, бликует что-то, может оружие? В-о-он они верблюды, вдоль горы стоят. В тени горной складки замаскировались!

– Молодец, Михей, засек гадов, огонь по душманам!

Летчики отработали по стоянке душманов бомбами, а затем пришлось спускаться пониже, чтобы нанести ракетно-пулеметный удар. Заработали нурсы, но поток ветра просто сдул выпущенные «карандаши», и они взрывались левее того места, в которое их направил стрелок. В ответ заработали крупнокалиберные пулеметы моджахедов, сбивая прицел летчикам, отправили по вертолетам и парочку ракет, но вертолетчики уклонились от встречи с ними. Летчики налетали двойками, уходя за вершину горы на новый круг.

– Нашли караван. Ура!

– Эх, рано парни атаковали, нас не дождались.

«Ну, во всем есть свои плюсы», – философски вздохнул я.

«Поясни, Кент?» – обратился ко мне ТНТ.

– Летчики атаковали без наземной поддержки, значит, что подумает командир каравана?

– Что он подумает?

– Что летчики одни, без наземной поддержки, значит, расстреляют боезапас и уйдут, а за это время караван переместится с этого места. Ищи его потом снова.

– Хм, логично, быстрее парни.

– Тащ майор, парни устали, духи найдены, летуны скоро уйдут на базу, куда спешить, отдохнуть надо.

– Тоже верно, но, раз ты такой умный, берешь свое отделение и давай за «духами», найдешь их и вцепишься в спину.

– Надеюсь атаковать их не надо? А то мы так отделением весь караван в 500 рыл и захватим.

– Нет, Калинин, захватывать его не надо, только наблюдение, куда они двинутся дальше.

– Есть! Ну что, русские волки, побежали ловить азиатских псов войны. Волк практически всегда победит пса, так что шевели лапами, волчары.

Отделение пока вяло, но потихоньку разгоняясь и входя в ритм, побежало вслед за их командиром.

Усман был вне себя, наблюдая, как переформируется караван, и размышляя про себя: «Я так все замечательно спланировал: отвлекающий маневр с подставным караваном, который долго отбивался от русских, попутно лихо обманули этих шурави, которые снялись с горы и рванули на помощь своим. Правда, была опаска, что они тормознут два шарабана с разведчиками, маскирующимися под торговцев чаем, но русские не стали себя засвечивать. Наивные, они у меня все время под контролем были.

Мой агент вовремя доложил о русском отряде, который купленный проводник завел в засаду. Правда, шурави смели ее, что взять с этих декхан, но его агент успел ускользнуть из кишлака перед его зачисткой, сумел проследить за шурави и выявить их новую лежку, о чем сообщил по радию.

Все прошло чисто, все он продумал и на тебе. Его снова ищут, значит, не поверили в тот караван? Эх, надо было побольше товару туда подбросить, кто-то слишком умный у русских оказался, что сумел определить пустышку. Хотя нет, как не поверили? Иначе в нас вцепились бы десантники, а их нет, только вертолеты... Получается – это усиленное патрулирование района на них нарвалось».

– Эфенди Усман, есть потери в товаре, людях и животных, но все, что можно было, перегрузили, караван готов в путь.

– Уходим, Саид! Махмуд, головой отвечаешь, делай, что хочешь, но твои нукеры должны уничтожить русских, если они снова прилетят

– Мои люди сделают все, как надо, почтенный караван-баши. Уходите, мы поднимемся на гору и замаскируемся. Когда русские снова прилетят, мы их встретим, да продлит Аллах наши дни!

– Я верю в тебя, Махмуд, сколько лет вместе водим караваны.

Идущий в составе каравана со своим отделением спецназовцев в черной униформе майор Зия Мохаммед нехорошо посматривал в небо.

– О чем задумался, Зия?

– Плохо, Гасан, что нарвались на русских. Похоже, что придется нам уходить от каравана в свое время.

– Думаешь, русские вернуться?

– А ты как думаешь? Мне вот непонятно, случайно они наткнулись на нас при патрулировании или все же заподозрили, что будет второй караван, и ищут целенаправленно?

– Не знаю, Зия.

– В общем, пойду, поговорю с Усманом, вероятнее всего шурави высадят десант впереди движения каравана, а вертушками будут искать нас серьезнее.

Караван старался быстрее уйти с места боя, наращивая темп движения.

– Абдель, будем менять маршрут?

– Если уйдем в сторону, то потеряем много времени. Мы сделаем рывок к кишлаку Арам, там хорошие складки местности и пещеры есть, спрячемся в них и отстоимся, а в ночь двинемся дальше. Будем маневрировать, Зия, иначе шурави найдут и уничтожат нас.

Вперед ушел десяток разведчиков, затем группа охраны из сорока человек, часть из которых должна была занять позицию на вершине следующей горной гряды, за ними по горной тропе потянулась ниточка верблюдов с погонщиками, и арабские новобранцы-наемники, замыкающие караван. А человек двадцать матерых головорезов из охраны стали подниматься на гору, готовясь встретить новый налет шурави.

Ничего этого мы не знали, а зафиксировав некоторые горные ориентиры, двигались к месту боя. Основной отряд отдыхал, чтобы бойцы могли подойти к каравану более-менее свежими.

Отмахав, где трусцой, а где шагом, еще с десятков километров, мы перешли вброд эту Куррам – 3000 куррамов ей в одно место, спотыкаясь, поскользываясь на камнях и периодически падая в воду – в общем, побегали, умылись по-взрослому, теперь осталось только на солнышке подсохнуть. Вчера утром мы ее перешли гораздо легче – были свежими, а сейчас общая усталость свое брала.

– Хватит шуметь, мы вступаем в зону риска! Разбились по тройкам и разошлись по щелям. И не спешите высовываться на открытое пространство, осмотритесь вначале!

– Думаешь, что караван еще на месте?

– Не знаю, Мастак, предполагаю, что караван-то все же ушел, а вот кто-то из охраны каравана остались в засадах.

– Все верно, разбиваемся на тройки, парни, пошли!

Мы осматривали место, ловя иногда в рации разговоры афганцев.

– Ловлю отдельные разговоры, значит где-то рядом «духи». Всем повышенное внимание – «опасность», по рациям просто так не болтать!

Забравшись на очередную вершину холма, мы завалились в расщелинах между камнями. Рядом со мной был Мастак. Мы осматривали местность в бинокль, а Жека в прицел «СВД».

– Кент, смотри, вон у подножия видны следы взрывов бомб, а вот стащены в кучи и брошены туши верблюдов и лошадей?

Я осмотрел в бинокль указанное Жекой направление, увидев мертвых афганцев и животных, и стал осматривать гору. Все горы разные – это хорошо знает тот, кто живет здесь, а вот я тут был в первый раз, и сказать, что через какое-то время снова сразу узнаю эту гору на фоне таких же собратьев, расположенных слева и справа, не уверен. Так и летуны, наверняка взяли на заметку ориентиры, а может и не взяли, кто их знает.

– Женя, погляди в свой прицел, что-то вон в той точке мелькнуло.

– Не вижу ничего, одни камни, думаешь «дух»?

– Да, показалось движение, давай понаблюдаем за этой точкой. Самоделкин, выходи на связь с ротой, пусть подтягиваются, дай ориентиры по вот той горе.

Пришлось рискнуть и выйти на связь и дать короткую команду на сбор – раз мы слышим афганцев, то и они нас могут слышать в эфире и сделать выводы. Подошедшие парни, низко пригибаясь или даже подползая к вершине нашей горки, быстро входили в курс дела, куда смотреть и что наблюдать.

– Значит так, братва, Шмель, ты за старшего, Док, Самоделкин и-и-и всё, остаётся на месте и наблюдаете за горой, мне показалось движение вон в том месте – это может быть вражеская засада. Остальные собираемся с силами, обходим это место через соседний перевал и движемся вслед каравану.

Все мы посмотрели на очередную вершину метров под 700 и, горестно вздохнув, стали отползать вниз, чтобы двигаться дальше нормально во весь рост.

## Глава 4. Цепные псы

В Кабуле в штабе армии разрабатывался план новой операции, давались новые ценные указания ВДВ и вертолетчикам. В крупном кишлаке Гардез с размещенной там советской базой, собиралась информация с наших блокпостов в горах и от местных осведомителей о возможных путях его движения с целью локализации каравана.

Одним словом, четко работала вся цепочка военных и гражданских исполнителей военной машины огромной страны, пусть даже в самой операции принимало участие лишь несколько сотен бойцов, а не миллионные по численности фронты. Двадцать вертолетов перебросили под Гардез в район кишлака Тота Хил около двухсот десантников, чтобы те встали заслоном на пути каравана. Также привлекались местные гарнизоны сарбозов, царандоя и наших мотострелков.

Чуть больше роты солдат из спецназа Тарасова и ВДВ майора Романа Переверзева приближалось к лежке на горе, где остались наши наблюдатели во главе со Шмелем.

Остальное отделение, ругаясь матом, сбивая ноги, поскальзываясь на песчаных оползнях или плохо лежащих камнях, срывая кожу на руках, чтобы удержаться на склоне и не свалиться, не скатиться на несколько метров назад, лезли к вершинам стоящих на пути гор. По одному перешли щель к соседней гряде, и все продолжилось снова – нам нужно догнать караван. Найдём, тогда и отдохнуть сможем. Мы вцепились в него, словно охотничьи гончие, спущенные с поводка, и уже не отпустим.

– Кент, вон караван, догнали, елы-палы, привал?

Я поднялся на гору и залег рядом с Хохлом, задыхаясь, спросил у такого же пыхтящего, как паровоз, напарника: «Дэ-э-э морэ-э-э, то есть караван?»

«Цэ морэ, – указывая рукой, «в тему» ответил Игорек, – вон его хвост виден, гору огибает».

– Карту!

И сам же полез в свой рюкзак.

– Так-с, что мы имеем, кишлак Арам здесь, караван примерно здесь. Топтыгин, сообщки Самоделкину, что караван найден. Он движется в сторону кишлака Арам, а куда дойдет в реальности, пока неизвестно. Все, парни, отдых, иначе не встанем.

К Шмелю подходила передовая группа спецназовцев под командой ТНТ.

– Фу-у-у, дошли и мы, Шмель, что тут у нас за дела?

Сергей доложил обстановку и полученную от нас последнюю информацию о караване. Самоделкин вышел в эфир с КВ-радиостанции и передал эти зашифрованные сведения в Кабул, получив подтверждение приема.

Кольцо вокруг каравана сжималось, все задействованные в операции части выходили на исходные позиции. Однако вечерело, в горах темнеет быстро, поэтому никаких боевых действий командование решило в этот день не совершать.

– Махмуд, караван ушел, смысл нам сидеть тут?

– Согласен, Саид, шурави не прилетели, поэтому снимаемся и уходим.

Наши наблюдатели, осматривающие в бинокли противоположную гору, засекли, как из-за камней поднимались люди и уходили через ее гребень на север вдогонку каравану.

«Пошли «духи», значит и нам пора. Рота, подъем», – скомандовал комбат Тарасов и бойцы, выждав минут пятнадцать, двинулись следом.

Мое отделение, также отдохнув с часик, топало той же дорогой, по которой минут сорок назад скрылся последний моджахед сопровождения каравана. Догнав караван, мы держали его в зоне видимости, опасаясь приближаться ближе. Не доходя садов кишлака, которые мы уви-

дели с горы, караван повернул вправо в горы. Которые были реально повыше, чем те, где был бой.

Двигаясь параллельным маршрутом за караваном, мы его потеряли.

– Твою дивизию, куда он делся? В кишлак точно не пошел.

– Не знаю, Топтыгин? Оторваться от нас далеко он не мог, значит, стоит где-то здесь, прячась за складками гор или в пещерах.

– Точно, Кент, помнишь, как духи пропали у Намаскара в пещере!

– Вот о них и подумал, значит, надо первое – не нарваться на их охрану, наверняка, на горах выставлены «секреты», второе – пройти вперед километра два и выяснить – идет ли караван дальше или нет.

– Если нет, значит, будут отстаиваться в пещерах.

– Да, Топтыгин, в больших пещерах.

– Кент, за нами топают боевики по караванной тропе. Кто это?

– Хм, возможно это те, кто оставался прикрытием на горе.

– А чего охрана бьется до конца, разбежались бы, если замес будет?

– Насколько я знаю, охрана бьется до конца за караван, иначе им дома смерть будет, как и караван-баши лишится своей головы. Не факт, но слышал про такое.

– Кент, скоро темно станет, может, ну его в баню, блукать по горам в темноте, давай наших дождемся и тогда решим, что делать.

Стемнело, мы отдохали больше двух часов, просто валяясь на еще теплых камнях, перекусили сухпайком, попили воды и снова лежали. А где-то по горной дороге топала в нашу сторону рота советских солдат под командой комбата Тарасова.

Заработала моя «маленькая коробочка».

– Кент, это ТНТ, где вы?

– Мы на горе, тропа чистая, «духовские секреты» не наблюдаем. Час назад прошли «духи», ушедшие с места боя.

– Да, они с той горы спустились, где ты заметил движение, похоже, что сидели в засаде.

В общем, через полчаса в темноте мы все валялись на земле, обсуждая ситуацию. Наше отделение, как уже отдохнувших, выдвинули «на два километра севернее», чтобы наблюдать за караваном.

Животные не машины, им отдых нужен, так что они должны хорошо отдохнуть, чтобы двигаться до рассвета к новой промежуточной базе. Вот тут мы их и догоним, на что и был наш расчет.

Мы шли в темноте при свете звезд и Луны, соблюдая полную тишину, даже спотыкались молча. Пройдя намеченный путь, полезли на гору, преодолели ее, пройдя по горной тропе вдоль очень неприятного обрыва. Хорошо, что было темно, и мы не видели всей его глубины, а то напряглись бы не по-детски, и, забравшись на гряду, нависающую над караванной тропой, залегли. Вскоре по тропе прошла группа моджахедской разведки с фонариками, которую мы пропустили, доложившись на базу по рации. Через некоторое время послышалось движение сотен ног людей и животных.

– Кент, надо отползать, вдруг на гору полезут их разведчики?

– Думаю, что по такой темноте вряд ли кто сюда полезет, если ноги дороги, а вот когда рассветет, тогда очень даже и полезет боковое охранение.

– ТНТ, это Кент, «духи» пошли.

– Вас понял, выдвигаемся параллельным курсом.

Гасан и Зия стояли возле Усман-паши.

– Караван-баши, мои люди засекли переговоры русских, надо предпринять меры по усилению охраны.

– Уважаемый Зия, ты думаешь, русский спецназ рядом? Они улетели вместе с вертушками на базу, а вот утром они будут нас искать с вертолетов. Мне кажется, что твои люди поймали КВ радиостанции русских.

– Все может быть. Меня смущает лишь то, что не все русские могли улететь на базу, а бойцы спецназа бродят сейчас по горам. Все же животные создания шумные, а столько животных в ночи хорошо шумят, их далеко слышно.

– Все верно, господин майор, лучше перебдеть. Саид, есть подозрение, что у нас на хвосте сидят русские, организуй «секреты» и пусть люди из охраны пошуршат по окрестным горам.

– Понял, уважаемый Усман.

Саид тихо отдал команды и группы басурман, матерясь про себя, полезли в горы искать «что-то, где-то рядом».

А вскоре в ночи раздались выстрелы, отряд спецназа нарвался на поднявшиеся на вершину гряды и разбредшиеся в поисках шурави мобильные группы арабских и афганских наемников.

Началась игра в кошки-мышки. Мое отделение, не думая особо долго, скинуло вниз на тропу порядка двадцати гранат, наведя шороху, рая и убивая животных и людей, после чего благополучно отступило. Караван рвался вперед, погонщики гнали испуганных взрывами животных, пытаясь снова оторваться от преследователей, наемники, которых было раз в пять больше нашего отряда, шерстили в кромешной темноте окрестные горы, периодически натываясь на рассеянные группы спецназовцев и вдвшников.

Комбат отдал приказ и Самоделкин отправил несколько радиogramм о том, что найден караван Усман-баши и бойцы ограниченного контингента ведут ночной бой в районе горных вершин Вархуз, Арджан и других.

Мы отступали, рассеявшись в складках двухкилометровых горных вершин, прячась за камнями и изгибами рельефа. Нас хорошо прижали арабы из охранения или пополнения, заставив не просто отступать, а бежать, чтобы не оказаться окруженными. Перед нами был ледник, сползший с вершины почти к подножию горы.

В нашей группе шло семь человек. ТНТ раздавал команды:

– Топтыга, Док и Мастак, прикрываете нас, пока мы пересечем ледник, остальные за мной.

– Коля, давай попарно привяжемся фалами, ледник дело такое – непредсказуемое...

– Принято. Кент, я с тобой в паре, а Бугай с Хохлом. Хохол, как более легкий, идет в связке первым.

Мы быстро опоясались 8-мм репшнуром и двинулись по белому, застывшему ломаным потоком, льду. Сзади раздался выстрел Мастака.

– Гады, нашли нас! Ну, Мастачок, не подведи...

Пройдя примерно метров сто пятьдесят, где по чистому, застывшему рваными разводами и бугорками льду, с которого ветер сдул снег, где по припорошенному, вошли в зону снежного наста. Под нашим весом ледяная корка проламывалась, и мы погружались по щиколотку в снег. Периодически обходили ледяные торосы и перешагивали или обходили провалы и расщелины.

Оставшиеся в заслоне бойцы лежали и негромко переговаривались, оглядываясь назад на бредущие четыре фигурки.

– Медленно идут парни, а нам и самим пора уже «ноги делать», пока арабы не зажали.

Снова выстрел Мастака и фигурка появившегося душмана дернулась и упала на снег. В ответ по ребятам заработал ручной пулемет. Топтыгин дал «ответку», а Мастак засадил пулю в огонек под здоровым камнем. Пулеметчик на время замолчал.

– ТНТ, надо ребят отзывать!

– Бугай, Хохол, выбирайте места под лежку, прикройте парней. Док, как слышно, отступайте!

– Есть!

Ребята залегли за ледяным торосом, а мы двинулись дальше, собираясь пройти еще метров семьдесят, чтобы залечь самим, а там в поперечнике и ледник закончится.

Я обернулся назад, смотря на ребят, как услышал мат ТНТ, затем от рывка веревки шлепнулся на попу и понял, что меня быстро потащило вперед. Я пытался упираться, но проскальзывал по остаткам снега, лежащем на наклонной поверхности ледника. Я лишь успел перехватить в руке автомат, как нырнул в расщелину вслед за пропавшим подо льдом Николаем. Автомат получилось уложить поперек расщелины, и я повис на руке, вцепившейся мертвой хваткой в цевье.

Подо мной метра на три ниже висел ТНТ.

– Кент, почему не падаем?

– Автомат держит, Колян, не удержу долго нас обоих, надо раскорячиваться и упираться в стенки.

– Витек, держись еще чуть-чуть, сейчас попытаюсь.

Я почувствовал шепуршение и рывки парня, соскальзывающего со стен.

– Витя, стены гладкие, не получается. Ты двоих не удержишь, уж лучше путь один погибнет. Я режу шнур!

Я держал нас обоих на руке эти минуты, слезы сами текли из глаз от напряжения. Я не мог толком пошевелиться, задрать ноги, чтобы опереться ими в стены, потому что на мне висел стокилограммовый груз. Рука сжимала автомат, которую я просто не чувствовал, ощущая лишь ноющую боль в натянутых от напряжения мышцах. По моим прикидкам пальцы давно должны были разжаться, но почему-то еще держали. Я подумал о мертвых, которые так сжимают свой кулак, что и не разожмешь их «последнюю хватку». Наверное, именно так, «намертво», и я держался за цевье автомата. Расщелина была не широкая, но все же, немного шире нас, даже в рюкзаках.

– Коля, не дури, успокойся и попробуй еще раз встать ногами в распор, покрутись на веревке, сколы у стены рваные, однозначно зацепишься с другого края.

– Не хочу умирать, Кент, удержись еще немного, родной!

«А чего я вижу вдоль расщелины, конечно, она шире меня, повернись-ка и я поперек», – пришла в голову очередная «соломинка». Снова начал дергать вниз Николай, а я чуть подразвернулся на руке и почувствовал, что рюкзак стал тереться о стену. Осталось дело за малым, подтянуть ноги и коленями опереться в другой край, что было не реально, так подтянуться с висающим на мне Колей у меня не хватало сил, или ногами найти опору изо льда. Ноги стали судорожно искать выбоины или выступы льда.

«Есть!» – закричал ТНТ, у которого получилось встать в распор, и я ощутил, как сразу стало легко висеть, удерживая лишь собственный вес. Тут и моя нога нащупала выступ. Я уперся в него ногой, а спиной в стенку расщелины и попытался сменить руку – не смог, кисть не хотела разжиматься.

Я нашел рацию, притороченную к ремню на поясе брюк, включил ее и стал вызывать: «Хохол, Хохол, Бугай, Мастак, всем, кто меня слышит!»

Отозвался Бугай: «Кент, вы где?»

– Провалились в расщелину, давайте к нам и вытаскивайте, быстрее.

– Понял, держитесь.

– Осторожно, сами не поскользнитесь в нее, а то будет нам тут всем братский слалом к центру Земли.

ТНТ отрезал связывающий нас репшнур, подошедшие Бугай и Док втащили вначале меня, а затем и Коляна. Все это делалось под периодический свист автоматных пуль – нас обстреливало человек пять душманов.

Полежав на снегу, наконец-то я смог разжать кисть и осмотреть свое оружие: «Да уж, автомат к использованию непригоден из-за частичной деформации конструкции, а проще говоря, погнулся ствол».

– Ничего, Кент, зато из-за поворота теперь сможешь стрелять, не выглядывая, а если согнешь его до 90 градусов, то и из-за угла.

Мы отползли дальше и, уйдя с ледника за горный выступ, под прикрытием горы побежали, только не спасаться, а снова в бой – надо было обойти преследователей и уничтожить их.

Совсем рассвело и над горными вершинами появились наши вертушки в составе целого полка. Бой был жесткий, с нескольких окрестных вершин, где засели группы прикрытия каравана, в наши вертолеты полетели «стингеры». Были и сбитые вертолеты, были потери, кто-то из летчиков смог посадить машину, кто-то погиб сразу, кто-то смог спрыгнуть с парашютом, которых крутила и кидала на скалы местная «роза ветров». К месту боя вертолетами были сброшены еще части ВДВ, а горными дорогами и долинами двигались на грузовиках и БТРах подразделения мотострелковой дивизии – караван должен быть уничтожен любой ценой.

Мое отделение зажало группу душманов.

– Кто там?

– Я видел двух «аистов» и четыре мужиков, похоже, что арабы.

– Шмель, придавите их пулеметом, не давайте высунуться, а я с Мастаком обойдем их и сверху расстреляем из винтовок.

Мы резко отползли назад, чтобы не подставлять голову под пули, и поднялись на горку, оказавшись над позицией афганцев. Зажатые духи перестреливались с нашими парнями, экономя патроны. В прицел я стал выбирать жертву, когда один из двух «черных» откинулся, упав на землю. Стоило им попытаться отступить, как пулеметные и автоматные очереди снова загоняли их за камни. Из снайперских винтовок мы отлично отработали на пару с Жекой и все пятеро духов остались лежать на земле.

– Жека, погоди, я раненого аиста сам хочу пристрелить.

– Понял, Кент, жду.

Выцеливал я второго «аиста», лежавшего на земле, но еще шевелящегося, имея желание так попасть в него, чтобы пулей отрезать ухо. Я уже совсем собрался нажать на спусковой крючок, когда присмотревшись, приостановил движение пальца – человек показался мне знакомым.

Я достал рацию и принялся на английском повторять слова: «Зия Мохаммед, Зия, как слышишь меня?»

Противник зашевелился, что-то пытаясь достать, и вскоре в рации раздались его слова: «Зия Мухаммед слушает, я ранен и окружен, прощайте братья!»

– Зия, это Калина, не стреляй. Я сейчас подойду к тебе, помогу.

– Калина...

Я быстро сбежал с горки и направился к позиции «духов».

– Кент, вернись!

– Все норма, парни, там наш человек.

Я подходил к нагромождению камней и стал громко говорить вслух: «Зия, это Витя, не стреляй».

– Здравствуй, брат, кончаюсь, кто-то из ваших попал мне в грудь.

– Держись, Зия, вертолеты на подлете. Отправим тебя в наш госпиталь, иначе тебе не выжить, а там уж, как Бог управит.

– Спасибо тебе, брат.

– Зия, я помню, что ты помог мне в Тора-Боре.

– Услышал все-таки...

– Услышал, Зия, а сейчас давай на носилки, наш Док тебя осмотрит, может, что сможем сделать здесь на месте.

– Давай, что со мной будет?

– Думаю, вербовать тебя будут, но ты уж сам решай, как быть – жить или умереть. Был бы здоров, я бы тебя отпустил сейчас, что-нибудь придумал. А раз оказаться раненым, то уж лучше в госпиталь и иди на контакт.

– Придется...

«Док! – заорал я. – Тащи носилки, «аиста» в плен взяли!»

Это было серьезно, эти бойцы в плен не сдавались, а тут цельный майор попался. ТНТ и парни улыбались, отходя после горячки боя и «хорошего» улова в виде пленного офицера.

– Во-о-о, какие у Кента знакомства!

Док осмотрел раненого, наложил поверхностную повязку, вколол промедол и снотворное.

А в горах шел бой. Охрана каравана и наемники, рассредоточившись на склонах окружающих тропу гор, отчаянно сопротивлялись, сбив четыре наших вертолета, уничтожая наших десантников и спецназовцев. Но силы на уничтожение каравана были брошены не меньше защищающихся, они окружили караван, отстреливая его защитников, но особенно жестко били по врагу вертолетчики, злые от потерь – все они сделали свое дело.

Караван был разбит, были захвачены хорошие трофеи с оружием, разгрузки, бронези-леты, спальники, рации, несколько десятков выживших под обстрелами лошадей и верблюдов, рации, медикаменты, было уничтожено или рассеяно более 500 наемников и сотня погонщиков.

Бой был практически окончен, лишь в горах раздавались отдельные перестрелки между рассеявшимися арабами и нашими вдвижниками или подтянувшимися к месту боя бойцами мотострелковой дивизии.

Возвратившись по горной тропе, мы поднесли к севшим вертолетам наших раненых и убитых, в том числе и носилки с «черным аистом». ТНТ переговорил с братом и Зию погрузили в вертолет первым. Я кивнул ему на прощанье, он подозвал меня жестом и, когда я склонился над ним, прошептал: «Спасибо, брат!»

– Держись, Зия!

– Будешь в Карачи, мой дом на улице Максуда, 30, не проходи мимо.

– Понял тебя, а меня ищи в Кабуле, 12-я кабульская бригада специального назначения.

Мое отделение с несколькими бойцами из второго, двигалось по горной тропе. Передовой разведкой шли здоровяки Кася и Коля Юдинов по кличке «Мясник», связанной с его доармейской, «семейной» профессией, когда он помогал отцу в мясницком деле. К тому же этот оперативный псевдоним как-то очень оптимистично звучал, так что вначале он прилип к нему в шутку, а позже был оформлен официально в личном деле.

– Колян, ты чего из мясников в армейцы подался, да еще и в сверхсрочники?

– Кровь люблю свежую пить и есть заодно, ха-ха-ха. А если серьезно, то просто решил стать военным, а когда после срочной в ВДВ предложили перейти к вам, я сразу и согласился.

Но это лирика, а сейчас наши пятнадцать бойцов под командой ТНТ возвращались назад, чтобы обследовать пещеру, где отсиживался караван днем, обходя лежащие на тропе тела мертвых или раненых животных, которые жутко выли от боли, наемников, которых осматривали бойцы. Подойдя к пещере можно было сказать, что это не сколько пещера, сколько огромная ниша под скалой, нависшей сверху. Тут и отстаивались караваны, прячась в тени скал, пережидая непогоду – снег или зной, укрываясь от патрулировавших местность вертолетов.

– Кент, тут пещера, я пошел, посмотрю ее!

– Стой, Кася!

В глубине горы раздалась автоматная очередь, и Кася буквально вылетел из пещерной щели, упав на землю – его тело было все «порвано» автоматной очередью.

Я закричал на пушту в пещеру: «Выходите, гарантирую жизнь, иначе выкурим вас огнеметами – сдохнете все в пожаре».

В пещере раздавались возгласы, из которых я услышал и перевел товарищам речь одного из афганцев: «Не верьте ему, братья, он врет. Выйдем, всем нам смерть»

ТНТ обратился к нам: «Кент, парни, придумайте что-нибудь!»

– С вами говорит командир взвода «ухорезов» Калина, слышали о таком, воевал под Гератом? Всем сдавшимся гарантирую жизнь и плен. Вам на раздумья пять минут, после этого никакие переговоры вести не буду, поднесем химию и зажарим вам. Выходите по одному, оружие сразу бросаете на землю, руки поднимаете над головой. Время пошло!

– Как думаешь, пойдут?

– Не знаю, видать кто-то из командиров там спрятался.

– Не стреляй, мы выходим!

Из щели стали выходить люди, бросающие оружие и поднимающие руки вверх. Пятым и шестым вышли погонщики с двумя белыми верблюдами, у которых через спину между горбами были переброшены полные тюки.

– Ох, какие красавцы эти бактрианы! Белый верблюд – это настоящая верблюжья «королевская кровь», можно сказать.

Один из пленных, подтянутый дядька в удобной, но дорогой одежде, с седоватой бородой и очень жестким взглядом обнял одного из верблюдов, как будто прощаясь с ним.

– Кент, ты что, его имя знаешь?

– Хохол, его, это кого – мужика или верблюда? Нет, имен не знаю, а название бактриан – это двугорбый верблюд, а драмодер или арабиан – одногорбый.

Я отозвал одного из погонщиков и тихо спросил: «Этот седой мужик и есть караван-баши Усман? Отвечай честно, иначе будет очень больно».

– Я не боюсь тебя, Калина, потому что попаду в рай!

– Когда-то в далеком 1800-х годах на Кавказе шла война русских войск и повстанцев под командованием имама Шамиля. Так вот генерал Ермолов, командующий русской армией, приказал всех мертвых врагов обмазывать свиным салом. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что рая тебе не видеть, а попадешь ты в ваш ад. Хохол, доставай из своих закровов сало!

– Шайтан этот Ермолов. Да, это караван-баши Абдель ибн Усман.

– Николай, самого Усмана взяли.

– Вот это удача! Кент, за этим перцем семь лет гонялись наши коллеги, а мы его взяли.

– Да, удачно получилось, парни, шерстим баулы, видать очень дорогой груз в них.

Сами мы также помародерили с остальных пленных, взяв с одного верблюда походную кассу в сумме порядка двухсот тысяч «бакинских», а также под двести килограммов чистого героина.

– Куда наркотики, Усман?

– В Союз и западную Европу.

Деньги мы умыкнули, хорошие американские и натовские стволы взяли себе тоже, сдав их в батальонную оружейку, а героин на миллионы долларов передали в «компетентные органы».

Вот и в нашем отделении произошли потери. Касю забрали вертолеты, как и всех погибших советских воинов. Я стоял на церемонии прощания, вспоминая всех своих товарищей, родных и дорогих мне людей в прошлых жизнях. Стало очень тоскливо на душе, да так, что потекли слезы. Вдруг за спиной услышал тихий разговор двух солдат: «Смотри-ка, Кент, душегуб, каких поискать надо, лично полевые допросы проводит, пытается пленных и не морщится,

а тут плачет. Не такой уж и железный наш Витек, получается, ничто человеческое и ему не чуждо».

Груз «200» был отправлен в Союз, где ребят хоронили в закрытых гробах, потому что пока их перевезут, даже относительно целые тела распухали на жаре.

За эту операцию я получил орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 2-й степени, как и многие из наших парней, которые также были отмечены орденами и медалями.

После этого было еще несколько походов в Пакистан и один раз в горы Гиндукуш. Вот тут я побывал в настоящих горах на высоте под 5 километров, ловя небольшие караваны по наводке афганских осведомителей. А дальше нас перебросили в Союз в знакомый, но сильно изменившийся город Ташкент.

Перед отправкой я обратился к нашему местному товарищу-торговцу, а к родственнику гератского Саида решил не заходить. Набрали мы аппаратуры, джинсового шмотья, хорошие кожаные дубленки и так разного барахла, по мелочи, так что ехали домой упакованные и с деньгами. Лично я вез порядка десяти тысяч долларов, заработанных за год службы в спецназе. Кроме того, вез я пару пистолетов, оформленных как наградное оружие, также как и многие бойцы нашего батальона, а также неплохие снайперские винтовки импортного производства, как боевое оружие бойцов бригады.

В мире полным ходом шел развал соцлагеря, правда, все это были заморские страны, события в которых сейчас меня особо не волновали. Гораздо большее было наблюдать, как начинал разваливаться "великий и могучий".

## Глава 5. Снова ученик

Наступил февраль 1989 год. Наша часть была выведена из Афганистана. Вначале мы перебазировались в Ташкент, а затем в ближнее Подмосковье на базу постоянной дислокации нашей бригады. Я поселился в казарменном общежитии вместе со своими ребятами из отделения. Жили мы не в общей казарме на роту, а в большой комнате на 11 солдатских рыл, то есть бойцов нашего отделения – мне не привыкать.

Наш комбат и ТНТ жили в поселке в доме для офицерского состава, скромно, но в "отдельной квартире с ванной и всеми удобствами". Еще было офицерское общежитие с квартирами типа «гостинка» для "незамужних и неженатых".

Съездил я в гости к Екатерине. Дверь мне открыла какая-то тетка.

– Кати нет.

– Как нет, вообще или ушла куда, а вы кто?

– Я ее тетя, живу здесь. А вы ее бывший парень, я видела вашу фотографию.

– Ну да, просто я не понял, почему она порвала со мной.

– Екатерина была ранена в Афганистане, после операции она не могла рожать, поэтому и рассталась с вами. Она уехала на Север, свой адрес сказала никому, даже вам, если вы зайдете, не давать.

– Никак?

– Простите, но я не дам.

– Тогда прощайте.

Наверное, за последний год что-то изменилось в моем сознании, я свыкся с тем, что Катя ушла из моей жизни. Как говорится, разбитый кувшин склеишь, да он уже не тот будет. Поэтому я развернулся и поехал в свою часть.

Так я и жил: полигон, тренировки, теоретические занятия, записался на дополнительные занятия по английскому языку, попутно готовясь к поступлению во Владикавказское высшее общевойсковое военное училище. Я надеялся, что ничего умнее, чем давали в академии генштаба, которую я окончил в прошлой жизни, с некоторыми изменениями, учитывающими современное вооружение и уточненную тактику, нам давать не будут, поэтому учиться и сдавать курсы экстерном будет вполне по силам. Добро на поступление у Тарасова и нашего комбрига подполковника Головки Бориса Александровича я получил. Тарасов наклепал характеристику, перечитывая мое личное дело.

– Так, награды, отзывы подчиненных, командиров, старших товарищей Ананченко, ТНТ, Петров, Шубов. Характер добрый, спокойный, отзывчивый, всегда придет на помощь товарищу, начитан, обладает знаниями, значительно превышающими курс школы и молодого бойца, происхождение которых неизвестно. Имеет хорошую для бойца спецназа спецподготовку, в бою хладнокровен, беспощаден к врагам. Считается мастером полевого допроса, лично допрашивая пленных «духов», при этом проявляет жесткость и даже жестокость. При допросах, в основном, обходится без крови, воздействуя на нервные узлы пленных, отчего они быстро ломаются и дают ответы, но не чурается применять нож или подручные средства для нанесения кровавых ран или переломов с целью устрашения. При этом лично завербовал нескольких агентов из афганцев, в том числе «черного аиста» майора Зию Мохаммеда. Заключение психологов, данное на основе тестов – такое поведение и развитость суждений характерны мужчине за 50 лет с богатым жизненным опытом.

– Хм, кто же ты такой, Виктор Калинин, добрый садист из вундеркиндов? Да нет, садистом тебя нельзя назвать, не тот склад характера. Человек, который хорошо делает свою работу, пусть и грязную – пожалуй, что да.

После последнего похода мы стали общаться на «ты» с ТНТ, ведь общий риск сближает людей, так что Коля стал частым гостем в нашем отделении и в нашей комнате. Он хоть и офицер, но сержантов не чурался, а вел себя, как настоящий боевой товарищ: общие застолья с нами, посиделки "за жизнь", а иногда приглашал меня к себе домой.

– Витек, пошли ко мне в гости, отметим окончание командировки.

Поскольку жил он в квартире с братом, то я потихоньку стал дружить и со старшим братом, Толиком, тем более я был старше их обоих, вместе взятых, поэтому они чувствовали некоторый диссонанс моего возраста и мышления.

А еще у Толика была дочка лет 10 по имени Настя, которая очень быстро записала меня в свои друзья. Вот и привозил я ей из командировок какие-либо местные сувениры или просто небольшие, но познавательные безделушки. Рассказывал забавные случаи или подходящие "к месту" легенды тех народов, где бывал сам, в том числе и в прошлых жизнях. Из Афганистана я привез и подарил ей статуэтку птицы Симург, а заодно рассказал, как мы на «Симурге» удирали от «духов», показывал фото наших ребят на базе.

– А кто такие симурги?

– Согласно древним персидским легендам Симург – это царь всех птиц, просто огромная птица, с головой собаки, когтями льва и в рыбьей чешуе.

– А почему такая она?

– А это символизировало ее господство на земле, в воде и в воздухе, одним глазом, видящая все прошлое, а другим, вззирающая на то, что будет. Эта птица прожила столько лет, что видела, как трижды рушился мир. В результате, она обладает колоссальными знаниями, собранными за эти тысячелетия и необыкновенной мудростью. Ей также приписывают способность исцелять людей от сильных недугов. Живет царь птиц высоко в горах, у источников, там, где берут начало горные реки. А после воцарения в Персии династии Сефевидов с 1500-х годов изображение Симурга стало эмблемой Ирана наряду с его государственным гербом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.